

Секция XV.

Переводоведение и проблемы сопоставления русского языка с другими языками

Об употреблении зоонимов в составе фразеологических единиц в русском и английском языках

Н. А. Емельянова, Л. В. Ершова, Л. Н. Норейко

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
n_emelianova@mail.ru, l_ershova@mail.ru, nor-larisa@yandex.ru
Фразеологизмы, зоонимы, русский язык, английский язык, сопоставительное изучение

Summary. In the present report idioms containing names of animals, birds and fish in Russian are compared with the corresponding idioms in English. The authors regard equivalent and partly equivalent phraseological units, images of animals are used in idioms. A special emphasis is laid on the use of verbs formed from names of animals.

При изучении иностранного языка важная роль отводится овладению фразеологией, в которой, как известно, отражаются особенности национальной картины мира. Фразеологические единицы придают речи особую выразительность, а также несут информацию о сложившихся традициях, о характерных способах отражения действительности в языке.

В докладе рассматриваются добавочные значения зоонимов в составе фразеологических единиц русского и английского языков. Количество таких единиц в обоих языках достаточно велико, что свидетельствует об общности историко-культурных традиций двух стран. Религиозные, фольклорные и литературные традиции, в частности, популярность таких жанров, как сказки о животных и басни, несомненно, оказали влияние как на восприятие конкретного животного, так и на образы, обусловившие добавочное значение зоонима в составе фразеологической единицы.

Сопоставительный анализ позволил сделать следующие выводы.

(1) Следует констатировать совпадение большинства лексических единиц-зоонимов в составе фразеологизмов двух языков, что объясняется, видимо, принципиальным сходством национальной фауны. Наиболее частотными оказываются такие слова, как *лошадь*, *корова*, *овца*, *коза*, *собака* и *кошка*. Исключениями можно считать слова «слон», «обезьяна», «павлин» и др., обозначающие животных, которых нет в фауне ни той, ни другой страны. Заметим, что в английском языке фразеологизмов с названиями «экзотических» животных гораздо больше, чем в русском. Видимо, этот факт можно объяснить многовековой колониальной экспансией Великобритании. В результате в английский язык вошли словосочетания *monkey business*, *make a monkey of smb*, *a paper tiger*, *got a tiger by its tail*, *plain as the hump on a camel*, *white elephant*, *kangaroo court* и т. д. В русском языке количество подобных фразеологизмов незначительно.

(2) В ряде случаев и содержание, и форма в пословицах полностью **совпадают**, как при дословном переводе. Примерами могут служить следующие соответствия: *swan song* — *лебединая песня*, *dark horse* — *темная лошадка*, *wolf in sheep's clothing* — *волк в овечьей шкуре*, *don't look a gift horse in the mouth* — *дареному коню в зубы не смотрят*, *the lion's share* — *львиная доля*. Как видим, соответствие здесь является буквальным, абсолютным.

(3) В некоторых фразеологизмах мы отмечаем полное совпадение по смыслу, но различие по образной форме, т. е. в двух языках используются образы **разных** животных. Так, для русской поговорки *убить двух зайцев одним выстрелом* в английском мы найдем аналогию *kill two birds with one stone*, т. е. *убить двух птиц одним камнем*. Если по-русски мы говорим: *(Вертеться) как уж на сковороде*, то англичане скажут: *Like a cat on hot bricks* (как *кошка* на горячих кирпичках). Гордого, надменного человека мы сравниваем с индюком: *надулся как индюк*. Для англичан он похож на павлина: *as proud as a peacock* (т. е. *гордый как павлин*).

В приведенных примерах мы отметили общее содержание, но в русском и английском языках использованы раз-

ные метафоры, хотя перевод каждого фразеологизма и содержит образ животного или птицы.

(4) При сходстве содержания фразеологических единиц эквивалент на другом языке утрачивает зооним. Например, фразу *to be like a dog with two tails* (= *быть как собака с двумя хвостами*) можно перевести как *быть на седьмом небе от счастья*. Если в запасе еще есть много времени и не нужно спешить, русские скажут: *времени вагон*, а англичане — *till cows come home* (дословно: *пока коровы домой не придут*). Английской фразе *raining cats and dogs* соответствует русская *дождь льет как из ведра*. Если в помещении очень тесно, мы скажем: *Яблоку негде упасть*, а по-английски это звучит: *There's no room to swing a cat* (буквально: «нет места, чтобы покрутить кошкой»). Как видим, русская и английская метафоры различны, но значение фразеологических единиц по существу совпадает.

(5) В английском языке в состав фразеологических единиц, как правило, входят **абстрактные** образы животных, птиц и рыб, а в русских находим им соответствие в **конкретных** образах. Мы точно называем, какая именно птица или рыба представляется нам носителем какого-то свойства, характерной особенности. В английском же языке мы обычно встретим просто наименование *bird* или *fish*. Так, русская пословица *лучше синица в руках, чем журавль в небе* на английском звучит как *a bird in the hand is worth two in the bush* (дословно: «одна птица в руке стóит двух, что в кустах»). Видимо, русскому образному мышлению свойственна большая точность, детализированность. Для говорящих на английском языке в аналогичных ситуациях образ видится более отвлеченным, абстрактным, без подробных деталей.

(6) В русском и английском языках мы встречаем глаголы, образованные от названий животных, птиц и рыб. В таких глаголах отражается манера поведения, повадки, типичные поступки животных. Так, *to fox* означает «хитрить», *to hound* — гнаться, *to badger* — выпрашивать что-либо, *to monkey* — неумело обращаться с чем-либо, *to worm* — вытягивать (информацию) клещами, *to dog* — преследовать, *to duck* — наклоняться, пригибаться. В английском языке таких глаголов гораздо больше, чем в русском.

Заметим, что если в английском языке такой глагол нейтрально передает особенности модели поведения, то в русском сравнение с животным содержит и подразумевает негативную оценку человека или его поступка. Несмотря на то, что глаголов, однокоренных с зоонимами, очень мало, все они объединяются общим значением: названное действие видится как недостойное, осуждаемое. Такие слова, как *свинячить*, *проворонить*, *собачиться*, *окрыситься*, являются стилистически маркированными и характерны для просторечия.

Таким образом, фразеологические единицы русского и английского языков, содержащие зоонимы, являются частотными и оказываются в большинстве случаев схожими по смыслу. Различия между ними касаются в основном образной формы, способа отражения специфического взгляда на

окружающий мир. Очевидно, что в английском языке шире представлено метафорическое употребление слов-зоонимов,

активнее образуются и используются глаголы, производные от них.

Ономастика романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» в переводе на южно- и западнославянские языки

С. А. Заболотная

Воронежский государственный университет

divlji-badem@yandex.ru

Булгаков, ономастика, транслатология, славянские языки

Summary. The paper under consideration is devoted to the peculiarities of translation of the proper names in the Bulgakov's work into Slavic languages. Basic means and methods of translation of the onomastic system are analyzed. Special attention is paid to the ways of transmission of nationally specific concepts in the Bulgakov's novel.

Роман М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» — исключительное явление не только русской, но и мировой литературы. Потому естественным представляется тот факт, что эта книга переведена на большинство европейских языков, в том числе и на славянские, включая самый молодой из них — македонский, который был кодифицирован как литературный язык лишь в 1945 г. Воспроизведение имен собственных, и русских личных имен в особенности, можно считать самой острой и сложной теоретической проблемой для профессионала художественного перевода. В отношении произведений М. А. Булгакова это верно вдвойне, так как писатель не только чрезвычайно внимательно относился к подбору имен для персонажей, но и предельно насыщал текст «говорящими», им изобретенными именованиями. Имена конкретных персонажей — это принципиальная часть устойчивых литературных образов, и поэтому в данном случае речь идет о постоянных переводческих соответствиях.

Один из основных способов передачи онимов при переводе — это транскрипция, то есть непосредственная запись звучания имени собственного в графической системе принимающего языка. Славянские языки используют разные графические системы, среди которых — кириллица и латиница разных образцов. Так, латиница чешского языка не идентична латинице словацкого, а кириллица македонского языка не равняется сербской вуковице. При латинской транскрипции имен собственных античного, древнееврейского и западноевропейского происхождения, составляющих значительную часть ономастической системы романа «Мастер и Маргарита», проясняется происхождение многих из них, поскольку латинская графика позволяет восстановить исконное написание слова. Сопоставление графического и фонетического облика онимов в оригинале и в нескольких принимающих языках выявляет ряд общеславянских фонетических соответствий, связанных с историей заимствования имен собственных. Южнославянская фонетическая и графическая традиция, как и русская, наследует принципы греческо-византийской, западнославянская — латинской.

Транслитерация (побуквенное графическое воспроизведение облика имени собственного, обычно без учета правил чтения в языке перевода) используется реже, чем транскрипция. В основном транслитерируются отчества. Причиной тому неестественность, чужеродность самой конструкции имени-отчества для южно- и западно-славянских языков и вызванное такой неестественностью стремление как можно точнее, без изменений сохранить облик исходного имени.

Имя собственное в тексте, переводимом на другой язык, не только адаптируется к его фонетическому и графическому строю, но и вовлекается в его морфологические парадигмы. Наибольший интерес вызывают яркие явления морфологии славянских языков, утраченные или редкие в русском, в большей степени — форма вокатива. При этом ни в одном из языков, примеры словоупотребления в которых рассматривались в главе, не существует употребительной формы отчества, а следовательно, и трехчастной формы имени, подобной той, что бытует в русском языке. Проанализированный материал позволяет сделать выводы не только о положении русского именника в словообразовательной и словоизменительной системах других славянских языков, но отчасти и о современном состоянии этих систем как таковых. В настоящее время можно говорить о кризисе как

вокатива в западно- и южнославянских языках, так и категории отчества в русском. Однако традиция употребления имени-отчества в русском языке остается сильным действующим фактором речевой культуры.

Транскрипция и транслитерация во многих случаях не позволяют передать смысловое наполнение, которое вкладывал автор в имя персонажа: естественно, что при родстве славянских языков многие понятия в них все же обозначаются разными корнями. Более того, теряется пласт лексических переключек, созвучий, каламбуров, который в романе М. А. Булгакова составляет важную часть смыслового наполнения. Поэтому принципиально важным способом передачи ономастической системы литературного произведения при его переводе оказывается калькирование (непосредственный перевод) имен собственных. Оно не всегда возможно, но удачные случаи применения такого способа передачи имен являются большим преимуществом перевода; чем больше их в тексте, тем точнее переводчику удается воссоздать ассоциативные связи, присутствующие в тексте оригинала, или же по крайней мере создать их аналогии. В македонском переводе калькированы наиболее простые из фамилий, созданных М. А. Булгаковым. Мастер такой калки — А. Моравкова, в ее переводе на чешский язык больше всего таких калек в самых уместных случаях — кроме тех, у которых затемнена внутренняя форма.

Помимо калькирования, переводчики романа «Мастер и Маргарита» применяют прием замены называемых реалий вследствие того, что смысл оригинальных вариантов был бы непонятен иностранному читателю и вызвал бы потребность в развернутых комментариях. Речь идет о так называемом принципе узнаваемости знака. Данный принцип зачастую требует замены описываемой ситуации на ту, которая являлась бы эквивалентной ей в смысловом отношении для того или иного народа, той или иной культуры. Отсюда замена реалий, в качестве которых в художественном тексте выступают и имена собственные. Применяется также прием родо-видовой замены, когда в целях смысловой ясности имя собственное в тексте заменяется нарицательным.

Сопоставительное исследование фонетического и графического облика имен собственных в оригинале романа и в четырех различных его переводах позволяет сделать известные выводы, касающиеся общности и различий в историческом развитии славянских языков. Так, различное воспроизведение облика одних и тех же имен собственных в западнославянских и южнославянских языках, служит иллюстрацией двух путей развития письменной и культурной традиции — соответственно западного (латинского) и восточного (византийского). Чешская и словацкая культуры входят в контекст культуры западноевропейской, а следовательно, в этих языках больше возможностей для передачи культурно значимых реалий. Это касается в первую очередь и имен собственных. В то же время сербская и македонская культуры, развивавшиеся в духе православно-византийской традиции, в определенной мере ближе к русской, а значит, теоретически способны легче воспринять произведение, созданное в традициях русской литературы.

Неизбежные различия в лексике русского и других славянских языков, а также в системах словообразования и формообразования сохраняют препятствия для передачи значительной части «говорящих» фамилий, введенных в текст М. А. Булгаковым. Задача сохранности в переводе

авторской коннотации имен собственных остается по большому счету невыполнимой: переводчик способен передать культурно-эмоциональное наполнение некоторых имен

лишь в большей или меньшей мере. Для максимально полного и верного понимания художественного произведения необходимо включение в издание системы примечаний.

Проблема метрического эквивалента в русских переводах греческой драмы

Я. Л. Забудская

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

yanazabud@mail.ru

Перевод, подражание, драма, метрика

Summary. The report is about metric aspects in translations and imitations of Greek drama in Russian literature: French and German influence, metrical experiments and forming of the tradition in Russian equivalents of ancient metrical forms.

Исходное различие количественной и силлабо-тонической системы исключает точность соответствий при передаче любого античного размера в его русском эквиваленте. Но способы приближения к этой точности возможны, их несколько:

- 1) метрический эквивалент — т. е. передача того же чередования, но в иной системе (пример — замена долгих гласных ударными);
- 2) метрическая аналогия — т. е. выбор размера, который, по мнению переводчика, является адекватной заменой;
- 3) метрическая иллюзия — примерное соблюдение длины строк или имитация позиционных долгот за счет скопления согласных.

Произведения древних нередко воспринимались в России как подражателями и переводчиками, так и читателями через посредство новоевропейских отражений. Знакомство не только с трагедией, но и с Гомером [4: 40–65] в России начиналось с переводов прозаических. Затем они стали своего рода «буквализмом», почти дословной передачей оригинала, пусть даже в ущерб русскому языку — и поэтической форме подлинника. Стихотворные же переводы на русскую почву неожиданно оказались включенными в несколько иную систему соотношения жанра, метра и стиля: александрийский стих, по происхождению связанный не с драмой, а с эпосом, в силу своей «высокости» в классицистической системе жанров становится размером «трагическим». В XVIII в. драматургия неукоснительно облекалась в формы александрийского стиха, в XIX метрические предпочтения авторов оказываются в прямой зависимости от процесса «преодоления классицизма». В жанровом аспекте это выражается в предпочтении Шекспира Расину, в метрическом — в замене шестистопного попарно рифмованного ямба пятистопным белым, как в «Борисе Годунове» Пушкина.

В становлении истинного «трагического» размера запутанным и неожиданно острым оказывается вопрос о предшественниках. Пушкин в предисловии к «Борису Годунову» указал на примеры пятистопного белого ямба — «Аргииване» Кюхельбекера (1824), переделка «Венцеслава» Ротру Жандром (1825). Кюхельбекер оспаривал первенство Жандра, указывая не только на собственных «Аргииван», но и на «Орлеанскую деву» Жуковского (1817), преобразовавшего в «драматическую поэму» романтическую трагедию Шиллера «Die Jungfrau von Orleans» (выбор Жуковского, таким образом, обусловлен размером подлинника). А. Х. Востоков в 1810 г. заимствует размер у Гете, переводя «Ифигению в Тавриде». Опираясь таким образом уже не на французскую, а на германскую традицию, он указывает в качестве образца «ямбический пятистопный стих древней трагедии».

Первым от классического александрийского стиха в пользу пятистопного отказывается в 1799 г. В. Т. Нарезный в драме «Кровавая ночь, или Конечное падение дому Кадмову». Это драма — не перевод, а подражание: образцами для Нарезного, видимо, были сходные по сюжету с «Кровавой ночью» драмы афинских трагиков, «Семеро против Фив» Эсхила и «Антигона» Софокла [2: 27]; некоторые эпизоды заимствованы из «Просительниц» Еврипида. В выборе размера, впрочем, сказывается парадокс «влияния»: пятистопный белый стих — это «подражание Шиллеру», хотя знавший греческий язык Нарезный должен был представлять себе форму оригиналов. Представление о «немецко-греческом» влиянии было довольно устойчивым, и в 1825 г. в «Сыне Отечества» французским александрийским стихам противопоставлялся «прекрасный размер греков и немцев,

т. е. пятистопные ямбы без рифм» [6: 66].

В немецкой традиции, у Гете, можно обнаружить обоснование сокращения числа стоп при передаче античных стиховых форм: «Наиболее заслуживающим внимания был бы шестистопный ямб, но для нас, немцев, он чересчур длинен, и нам, при недостатке прилагательных, обыкновенно хватает 5 стоп. Англичанам, вследствие большого количества в их языке односложных слов, нужен еще более короткий стих». Востоков, напротив, находил русский язык «протяжнословным» по сравнению с «краткословным» немецким» [7: 8].

Знакомый с опытами Востокова и Нарезного [5], Кюхельбекер разницу между «размерами греков и немцев» вполне осознает — собственных «Аргииван», «античную трагедию с хорами» (подражание) он пишет пятистопником, а фрагменты эсхиловского «Агамемнона» [1: 93–95] переводит шестистопным ямбом без рифм. Тем не менее, в российской поэтической традиции складываются определенные метрическо-семантические ассоциации: шестистопный стих — это «Редет облаков летучая гряда», т. е. малые поэтические формы, а трагедия — это пять стоп, «Еще одно, последнее сказанье...»

Лирические части трагедии — хоры и монодии — самой своей логоэтической природой, казалось бы, дают больше возможностей для эксперимента, чем регулярные триметры. Тем не менее, в первых стихотворных переводах хоры тоже передают ямбом — только четырехстопным. Таким образом, разница между декламационным стихом и лирическими строфами-полиметрами передается лишь через количество стоп. Постепенно проявляется тенденция чередования ямбов с хорями (что больше похоже на логоэды), а следом — и применение других традиционных для русской поэзии размеров с рифмами.

Эта подмена вновь возвращает нас к проблеме метрическо-семантических ассоциаций, сформулированной М. Л. Гаспаровым как «метр и смысл». Пусть предположения о природной содержательной окраске метрики расходятся с практикой, но семантическая наполненность каждого размера — которую М. Л. Гаспаров назвал семантическим ореолом [3: 13] — неизбежна для каждого читающего. Пример такого рода ассоциаций — из переводов Софокла (хор из «Царя Эдипа» в переводе О. Вейсс вызывает в памяти читателя «Песнь о Вещем Олеге» [8: 520–521]) или Еврипида (хор «Ифигении в Тавриде» в переводе Анненского вызывает отчетливые ассоциации с «Кому на Руси жить хорошо» Некрасова). Использование рифмы и апелляция к семантическому ореолу в таком случае выступают как аналог исходной «песенности». Мы можем только предполагать, как соотносились для античных драматургов музыка, ритм, метр и смысл. Одно из таких предположений — что драматурги использовали ритм для подчеркивания определенных чувств: трохаический тетраметр означает переход к «большей торжественности», дактили — размер эпический и профетический, ионика — экстатический, пеоны — «божественный» и т. д. Таким образом, семантическая наполненность стихотворных размеров для драматического жанра оказывается важной с самого начала его существования. И если *translatio* — это «перенос» смысла, то подбор метрических аналогий позволяет воспроизвести тот метод, на который, возможно, опирались и греческие драматурги — задействование механизмов культурной памяти.

Взаимосвязь перевода и подражания в русской литературе оказывается прямо противоположной западноевропейской: если в литературах Запада на определенном этапе появление

переводов становилось литературным событием и предпосылкой расцвета драматического жанра — как комедии Плавта для итальянской комедии, как трагедии Сенеки для елизаветинской драматургии, как «Орестея» в переводе Дройзена для жанровых исканий Вагнера, — то в России переводы, как правило, шли вслед литературным тенденциям — что дало возможность апелляции к литературным ассоциациям как автора, так и читателей.

Литература

1. Бочкарев В. А. Ранние драматические произведения В. К. Кюхельбекера // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1961. № 1.

2. Бочкарев В. А. Стихотворная трагедия конца XVIII — начала XIX в. // Стихотворная трагедия конца XVIII — начала XIX в. М.; Л., 1964.
3. Гаспаров М. Л. Метр и смысл. М., 2000.
4. Езунов А. Н. Гомер в русских переводах XVIII–XIX веков. М., 2001.
5. Кюхельбекер В. К. Взгляд на нынешнее состояние русской словесности // Кюхельбекер В. К. Путешествие. Дневник. Статьи. Л., 1979.
6. «Сын отечества». 1825. № 5.
7. Эткинд Е. Г. Поэтический перевод в истории русской литературы // Мастера русского стихотворного перевода. Л., 1986.
8. Ярхо В. Н. Ф. Ф. Зелинский — переводчик Софокла // Софокл. Драммы. М., 1990.

Метеонимы в русской и английской национальных языковых картинах мира

Д. А. Камбабаева

Казахский национальный педагогический университет имени Абая (Алматы, Казахстан)

dinara_k_86@mail.ru

Языковое сознание, языковая картина мира, национальная специфика, менталитет, метеонимы

Summary. The results of comparing meteonyms' research in the English and Russian national language picture represent in the paper. The choice of lexico-semantic group in the character of classified unit conditions, that such works should lead on the limited lexical material, representing the fragment of national language picture.

Проблема выявления национальной специфики в языковых картинах мира актуализирует сопоставительные исследования на материале двух и более языков. С учетом безграничности языковая картина мира (ЯКМ) любого национального языка должна исследоваться на материале какой-либо классифицирующей единицы, в качестве которой в нашей работе выступает лексико-семантическая группа (далее ЛСГ) как продукт законов и закономерностей развития лексической семантики языка, представляющая собой группу слов, объединенных по семантической общности, и отражающая познанный объективную действительность. Как известно, наибольший интерес представляет исследование старейших, ядерных участков ЯКМ, которые в первую очередь номинируются как с позиции языкового сознания, так и объектами научной систематизации со стороны научного сознания. Таковыми, безусловно, являются номинации материального мира и, прежде всего — мира природы, в том числе климатические и погодные явления и др., с чем человек ежедневно сталкивается в повседневной жизни, и что впоследствии в первую очередь осмысливается постепенно формирующимся научным сознанием. В связи с вышесказанным нами рассматривается ЛСГ метеонимов как фрагмент русской и английской ЯКМ.

Как справедливо отмечает Е. С. Кубрякова, сложность плана содержательных языковых единиц объясняется семантическим свойством «четырёх разных сущностей: а) семантические значимости единиц собственно языковой системы; б) категории предметного мира, своеобразно отражённые в категориях и единицах языка; в) мыслительные категории, присущие логике и психологии человеческого познания; г) прагматические факторы коммуникативного назначения языка» [1: 18].

На национальную неповторимость вербализации пространственного временного континуума влияет в большей степени логико-понятийный компонент языкового сознания, поскольку именно он осуществляет концептуализацию дискретной внешней среды, в соответствии с чем один и тот же фрагмент картины мира может члениться им в разных языковых сознаниях по-разному. Подобные различия сводятся к следующему:

1. Несовпадение объемов значений.
2. Различная степень дифференциации значений.
3. Лексические лакуны.

Для нас особо интересна различная степень дифференциации значений, наиболее ярко представленная в исследуемом нами фрагменте ЯКМ — наименованиях явлений природы (наряду с другими) и выборе наиболее актуального признака для носителей данного языка.

Специфика номинации метеонимов заключается в выборе признака номинируемого предмета или явления. Так, англи-

чане различают дождь в зависимости от времени протекания, от диаметра капель дождя и его вида. Как правило, если дождь моросящий и мелкий, они употребляют такие выражения, как *It is spitting with rain, It is raining very slightly*. В русской лексике существуют такие виды дождей, как *грибной дождь* — 'теплый и мелкий дождь', *мокрые дожди* — 'осенние дожди, вызывающие перепады настроения, продолжительное ненастье' (как ни парадоксально: дождь может быть сухим?); *слепой дождь* — 'дождь, идущий при солнечной погоде'; *весенник* ассоциируется с пробуждением природы; *осенник* с ее умиротворением; *сеножной* — 'дожди во время покоса'. Наименования мотивированы, в основе номинации лежат признаки, обусловленные русской культурой (*сеножной-сенокос, губительное воздействие влаги на сено*) и традициями (*грибной дождь* — поход за грибами и др.) и образами (*ситничек* — мелкий, как из ситничка; *косохлест* «хлещет косо», *бус* (мельчайший, как бусинки).

В английском языке также различают: дождь, который может промочить до нитки и доставить неприятность — *heavy shower*; весенние апрельские дожди, когда пробуждается природа, набухают почки, расцветают цветы — *April showers*. При этом англичане используют выражения, описывающие состояния дождливой погоды: *It is raining cats and dogs; it simply bucketing down*.

В русском языке филиация значений лексемы *дождь* в зависимости от размера дождевых капель не представлена.

Общим в обеих национальных языковых картинах мира является названия дождя по признаку продолжительности: *light shower* (lasts only a few minutes) — проливной дождь; *light rain* (continues over some time) — затяжной дождь.

Как отмечает С. Г. Тер-Минасова, в русском языке, по вполне очевидным причинам, есть и *пурга*, и *метель*, и снежная *буря*, и *вьюга*, и *поземка*, и все то, что связано со снегом и зимой. Кроме того, можно привести от 14 до 40 синонимов *белый* для обозначения разных оттенков и видов снега в языке эскимосов. А в английском языке разнообразие снежных бурь выражается одним словом *snowstorm*, которого вполне достаточно для описания всех проблем со снегом в англоязычном мире [2].

В докладе рассматриваются результаты сопоставительного анализа метеонимов в русской и английской ЯКМ, позволяющие обнаружить специфические черты, которые играют важную роль в формировании национального характера и национального менталитета.

Литература

1. Кубрякова Е. С. Роль человеческого фактора в языке: Языковая картина мира. М., 1988.
2. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М., 2000.

К вопросу о допустимой степени расхождения коммуникативной интерпретации переводного фильма и оригинала («Катень» А. Вайды)

А. А. Коростелёва

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

korosteleva_a@mtu-net.ru

Семантический коммуникативный анализ, звучащая речь, переводной кинодиалог

Summary. The communicative interpretation formation mechanics, when used during film dialogue translation, allow rather significant modifications of the correlation between speaker's position, listener's position and the situation. The paper hereby shows how an inappropriate communicative interpretation (one entirely separated from the character and episode meaning) may be caused by «peripheral» voice means, while the nominative level information remains basically correct.

Применение метода семантического коммуникативного анализа, основы которого изложены в работах М. Г. Безяевой, к звучащему переводному кинодиалогу позволяет выявить специфику формирования коммуникативной интерпретации в кинопереводе.

Средства звучания наряду с частицами и междометиями входят в группу собственно коммуникативных единиц, которая наиболее активно задействуется при создании коммуникативной дорожки переводного фильма в русском языке. Обладая собственной строго определенной семантикой, интонация и другие средства звучания могут очень серьезно влиять на характеристики персонажей, формируя значительно отличающиеся от оригинальных образы и взаимоотношения героев. При этом сама специфика коммуникативной интерпретации оправдывает и «узаконивает» значительные расхождения трактовки оригинальной и переводной речевых дорожек на коммуникативном уровне.

Допустимой при переводе можно считать такую коммуникативную интерпретацию, при которой интерпретаторы сохраняют некий общий взятый из оригинала параметр, ключевой, с их точки зрения, на данный момент для характеристики соотношения позиций говорящего, слушающего и ситуации; при этом они могут модифицировать его вплоть до антонимии и приращивать к нему дополнительные коммуникативные семы. Присутствовавшие в оригинале дополнительные коммуникативные семы при этом могут исключаться либо также модифицироваться. Пример недопустимой коммуникативной интерпретации при переводе возникает тогда, когда подменяется даже этот наиболее общий параметр, то есть из коммуникативной системы исходного языка не заимствуется ничего, оригинал оказывается полностью отвергнут.

Можно было бы предположить, что для создания такой диаметрально противоположной трактовки широко задействуются различные группы средств, причем не только коммуникативных, но также и номинативных. Однако наблюдения показывают, что это не так. Анализ эпизода из фильма Анджея Вайды «Катень» (2007) (в Кракове, в конце войны, вдову генерала, расстрелянного в Катень, навещает ее бывшая домработница Стася) показывает, что полярно противоположная оригинальной трактовка может вырастать в переводе исключительно из средств звучания, при минимальной роли других единиц — как коммуникативного, так и номинативного уровней.

В польской версии речевое поведение Стаси, которая неожиданно, в результате создания новой Польши и связанных с этим изменений в обществе, оказалась хозяйкой положения (из прислуги стала «госпожой»), чрезвычайно деликатно. Она ни в коем случае не подчеркивает произошедшей перемены. О новом распределении ролей, о строящемся в Польше новом социалистическом обществе, в котором все будет перевернуто с ног на голову, нас заставляет подумать на поведение Стаси — простой и доброй женщины, которая никак не переменяла своего отношения к генеральской семье, а значительно более тонкая и сложная цепочка ассоциаций, требующая от зрителей размышления, сопоставления, интеллектуальных усилий. Это придает фильму объем и глубину в глазах зрителя, которому предоставили возможность «своим умом» дойти до словно бы неочевидных выводов и исторических обобщений, показав всего лишь краткий разговор двух героинь — причем разговор об их собственных бедах и заботах, а отнюдь не о судьбах страны.

В русском переводе, при том, что на номинативном уровне

не вводится приблизительно та же информация, что и в оригинале, в речи Стаси появляются высокомерие, презрение, самоутверждение, которые обеспечиваются в первую очередь «периферийными» средствами звучания (замедление темпа, удлинение гласного, отодвинутые назад гласные, высокий фонетический регистр и др.).

Нарочитое подчеркивание перемены социальных ролей и обретенного превосходства над собеседницей в речи Стаси меняют не только отдельно взятый образ и не только ощущение от эпизода. В оригинале зрителю предоставлялось самому сделать обобщения, услышать за несколькими скуными репликами поступь истории. В русской же версии ему навязывается уже проинтерпретированный материал, зазор между сказанным и подразумеваемым исчезает, остается бьющая в глаза очевидность. Это отбирает у фильма художественность, представляет замысел режиссера и сценариста более плоским, чем он был в действительности.

Таким образом, наиболее базовая характеристика взаимоотношений говорящего и слушающего, которую можно извлечь из оригинального диалога (хотя социальные роли собеседников изменились, их человеческие отношения остались прежними), в переводе оказывается отвергнута и заменена антонимичной. Такое расхождение в интерпретации характера было бы нормально для двух разных театральных постановок одной пьесы или для двух независимых экранизаций книги, но не тогда, когда две версии связаны отношениями оригинал — перевод. Наиболее примечательно при этом то, сколь малыми средствами достигаются описанные выше последствия для фильма: все коммуникативные средства, повлиявшие на образ, — это средства звучания, причем отнюдь не сводимые к интонации (в ряде случаев радиальный отход от семантики оригинала обеспечивается фонетическим регистром высказывания, продвижением гласных вперед — назад, удлинением смычки согласного и под.). Недопустимая коммуникативная интерпретация возникает благодаря работе одной скромной подгруппы единиц в рамках группы собственно коммуникативных средств.

Литература

1. Безяева М. Г. Семантика коммуникативного уровня звучащего языка. М., 2002.
2. Безяева М. Г. Семантическое устройство коммуникативного уровня языка (теоретические основы и методические следствия) // Слово. Грамматика. Речь. Вып. VII. М., 2005.
3. Брызгунова Е. А. Эмоционально-стилистические различия русской звучащей речи. М., 1984.
4. Коростелёва А. А. О роли коммуникативных средств в формировании двух образов одного персонажа // Слово. Грамматика. Речь. Вып. VI. М., 2004.
5. Коростелёва А. А. Об отборе коммуникативных средств при формировании жанровой принадлежности переводного фильма // Слово. Грамматика. Речь. Вып. VIII. М., 2006.
6. Коростелёва А. А. Проблема эстетической интерпретации образа средствами русского и польского языков (*Вилли Вонка в к/ф «Чарли и шоколадная фабрика»*) // Теория и практика звучащей речи. Вильнюс, 2007.
7. Коростелёва А. А. О роли средств коммуникативного уровня русского языка в интерпретации переводного фильма (*«Rain Man» — «Человек дождя»*) // Вестник Моск. ун-та. Серия. 9. «Филология». 2007. № 6.
8. Коростелёва А. А. Об особенностях коммуникативной интерпретации переводного фильма в русском, польском и ирландском языках // Слово. Грамматика. Речь. Вып. X. М., 2008.

Перевод идиом в авторских переводах И. А. Бродского

З. М. Кумахова

Мичиганский государственный университет (Ист Лансинг, США)

kumakhov@msu.edu

Авторский перевод, идиоматика, Бродский, русский язык, стиль

Summary. The study of Brodsky's translation of idioms in his self-translations does not only reveal his tendencies in rendering this language phenomenon, it also gives an insight into his general translation strategies. Along with other translation practices, it shows that Brodsky's English versions give a fair idea of his Russian writing technique. Even the deviations from the original reflect his original techniques and proclivities. The changes that he is forced to introduce are organic with his poetics. Brodsky challenges the English language when he resorts to experimentation with the new language (distortion of idioms, puns) which is in tune with his penchant for «word-plying».

Онтологическая природа идиом делает их прекрасным источником стилистических приемов. И. Бродский в своих русских стихах редко использует идиомы в целостной форме. Использование идиом, которые в какой-то степени являются универсальными истинами, придает метафизической поэзии оттенок обыденности, с другой стороны, нарушение идиоматического единства дает ей ироническое звучание.

Прослеживаются несколько явных тенденций в передаче русских идиом в авторских переводах Бродского.

1. Перевод идиом при помощи английской идиомы с тем же образом наблюдается крайне редко. Перевод русской идиомы при помощи английской идиомы с тем же значением, но с другой образностью, встречается чаще, при этом Бродский стремится сохранить коннотационные характеристики русской идиомы. В «В окрестностях Александрии» использует идиому с полностью переосмысленным значением. В английской версии используется идиома с тем же значением, но другой образностью, также полностью переосмысленная. Обе идиомы являются разговорными с пометкой *грубый*, а в контексте памятников известным генералам звучат особенно непочтительно, причем в английской версии грубость усиливается за счет добавления *crushing bedbugs*.

Всадники, стало быть, просто дали / дуба на собственной простыне [1, т. 3: 241].

...the warriors apparently kicked the bucket / crushing bedbugs on the linen sprawl [2: 268].

2. В своих русских стихах Бродский разрушает застывшую форму идиоматической единицы и в авто-переводах стремится сохранить этот механизм. Найдя в английском языке идиоматический эквивалент с соответствующей образностью, он подвергает его тем же преобразованиям.

...И нельзя / вступить в то же облако дважды. Даже / если ты бог. Тем более, если нет [1, т. 4: 88].

Besides one can't / step twice into the same cloud. Even / if you are god. Especially if you are not [2: 379].

Однако чаще перевод осуществляется посредством идиомы с другой образностью. В этом случае Бродский также разрушает идиоматическое единство

да лежит тебе, как в большом оренбургском платке, / в нашей бурой земле, местных труб проходимицу и дыма [1, т. 3: 58].

may you lie, as though wrapped in an Orenburg shawl, in our dry, brownish mud, / you, a trampler through hell and high water and the meaningless sentence [2: 212].

3. Когда не удастся перевод при помощи идиомы, Бродский передает его значение при помощи свободносочетания. Здесь наблюдается несколько тенденций.

А. Буквальный перевод, т. е. буквальный перевод слов, составляющих идиому. Это приводит к интересным результатам. С одной стороны, в английском варианте появляется

свежий новый образ, однако теряется идиоматическое значение, что ведет к обеднению смысла. Чтобы компенсировать потери, поэт прибегает к добавлениям и вставкам, что свидетельствует, что он очень дорожит смыслом оригинала. В «Примечаниях папоротника» идиома *кот наплакал* в английском варианте передается почти буквально. Бродский использует анатомический термин *lacrimae*.

ваши дни сочтены — судьбою или вообще / у вас их, что называется, кот наплакал [1, т. 4: 71].

your days are numbered-by a jury, or / they are pussycat lacrimae, scarce and bitter [2: 371].

Для английского читателя выражение *кошачьи слезы* не означает «малое количество», это значение передается при помощи добавления *scarce and bitter*. Однако эта метафора напоминает идиому *крокодиловы слезы*, привнося значение неискренности. Вместе с книжным оттенком *lacrimae* английский вариант звучит более колко.

Б. Перевод окказиональной идиомы при помощи свободного сочетания, но с другой образностью. Это влечет не только потерю значения, связанного с идиоматичностью, но также и потерю значения, связанного со значением элементов, составляющих идиоматическую единицу. Бродский никогда не допускает прямых потерь, причем, замена органична его поэтике. В стихотворении «Полонез: Вариация» используется окказиональное употребление идиомы *горбатого могила исправит*:

Плюс могилы нет, чтоб исправить нос / в пианино ушедшего Фредерика [1, т. 3: 249].

Of the rooms whose air savors every ounce / pecked by Frederick's key-board-bedeviled nozzle [2: 245].

Бродский компенсирует потери образности и смысла при помощи создания другой образности, связанной в поэтике Бродского с творчеством (*ключющие воздух птицы*).

4. Перевод свободного словосочетания или слова при помощи идиомы, что придает английской версии разговорный характер. Верный своим лингвистическим пристрастиям экспериментировать в языке, Бродский часто деконструирует идиому, находя в другом языке новые языковые возможности.

Анализ перевода идиом не только выявляет тенденции, связанные с переводом данного явления, но также показывает стратегию перевода, которой придерживаются И. Бродский при переводе своих стихов. Кроме того, анализ перевода идиом, наряду с другими наблюдениями над переводческой практикой Бродского своих стихов, свидетельствует, что английские переводы Бродского дают представления о русском стиле поэта, отражают его лингвистическую практику.

Литература

1. И. А. Бродский. Сочинения Иосифа Бродского: В 7 т. СПб, 1998.
2. Joseph Brodsky. Collected Poems in English. New York, 2000.

К проблеме перевода с русского языка на эстонский

С. Купп

Тартуский университет (Эстония)

Sirje.Kupp@ut.ee

Перевод с русского языка на эстонский, история, проблемы, роль грамматики

Summary. In history Russian has been a very important language in Estonia and there were times when translations made from Russian were more significant than they are today, but nevertheless even then nobody played almost any attention to the role of grammar in the process of translating. Although the truth is that we cannot analyse any translations without taking into account the grammar, not just the lexical side of the text.

По данным переписи 2000 г., русский является родным или основным языком общения почти для 30% населения

страны. Им пользуются также другие жители страны, в том числе и эстонцы, для которых русский — первый или вто-

рой иностранный язык. В течение семи веков основным языком делопроизводства и образования вплоть до конца XIX века был немецкий, затем его в этой роли заменил русский. Официальный статус эст. яз. получил после обретения Эстонией независимости в 1918 г. После инкорпорации в СССР в 1940 году русский восстановил в Эстонии свой статус, будучи официальным языком на всей территории СССР. С восстановлением независимости в 1991 году эст. яз. стал государственным языком, русский же утратил часть своих функций. Тем не менее, перевод как с рус. на эст., так и с эст. на рус. всегда сохранял и сохраняет свою актуальность в самых разных сферах жизни и в различных типах текстов.

Предположительно первый перевод русского художественного произведения на эст. яз. был опубликован в 1806 г. в первой эстонской газете «Tarto maa rahva Näddali-leht», это была повесть Н. М. Карамзина «Фрол Силин» [3: 319]. С 1820-х годов число переводов на эст. яз. растет, в первую очередь это были разные прикладные тексты: официальные указы, законы и т. п. В середине XIX века появились первые эстонско-русский (И. Луни, 1853) и русско-эстонский (Д. Мевес, 1876) словари.

Начало второго периода переводов с рус. яз. на эстонский можно датировать 80-ми годами XIX века. Этот период оценивается очень по-разному, например, Рейн Вейдемманн пишет: «Мы можем относиться к периоду русификации конца XIX века как к ущемлению культуры, но в то же время надо признать, что большая часть тогдашней западной философской, общественной литературы достигла эстонского культурного сознания через переводы с русского языка» [1]. Уно Лииваку считает, что с точки зрения русско-эстонских переводов период до начала Первой мировой войны является очень важным: появились первые терминологические словари, что было обусловлено и тем, что значительно выросло количество прикладной литературы [4: 3].

Следующим этапом можно считать первый период национальной независимости Эстонии (1918–1940), когда параллельно происходили два процесса: книги публиковались в больших количествах, чем когда-либо раньше, но число переводных резко уменьшилось. Важное изменение наблюдается и в выборе языков: если до Первой мировой войны на первом месте стояли русский и немецкий, то в это время самым «популярным» языком среди переводчиков стал английский.

Новый этап развития перевода начинается после Второй мировой войны, когда переводы с рус. яз. составляют 88% всех переводов. После войны не хватало профессиональных переводчиков, особенно это касалось русско-эстонских специалистов. С 1960-х годов центром внимания становится качество переводов художественной и прикладной литературы, что заметно способствует улучшению переводных текстов. Тем не менее, критика переводов остается слабым местом, поскольку публиковалась она очень редко и обычно была направлена только на поиск ошибок. Конструктивные предложения и советы, как следовало бы перевести тот или иной текст, не приводятся.

По поводу современного состояния русско-эстонского перевода в Эстонии можно сказать, что уже начиная с 90-х годов прошлого века переводческая деятельность сделала резкий поворот — стала в большей мере ориентироваться на Запад, в основном переводы стали делаться с английского языка. Они преобладают как в художественной литературе, так и в разного рода прикладных и научных текстах. Однако имеются переводы и с рус. яз., больше всего переводят, конечно, художественную литературу, но можно найти примеры и в научной, так, переведены такие труды Ю. М. Лотмана, как «Беседы о русской культуре» (2003–2006), «Структура художественного текста» (2006), «Александр Сергеевич Пушкин» (2003) и др. Переводческая деятельность поддерживается изданием словарей, среди которых можно отметить академические русско-эстонский в 4-х томах (1-е изд. — в 1984–1994 гг.) и эстонско-русский 5-томный словари. Последнее издание, осуществляющееся при финансовой поддержке государственных программ, еще не завершено, вышли 4 тома.

С критикой перевода дела обстоят лучше, чем в прошлые века, больше публикуется статей, где анализируются переводы той или иной книги. К сожалению, не изменилось направление критики перевода — редко даются рекомендации, как следовало бы переводить. При анализе, прежде всего, обращается внимание на лексические неточности и несоответствия. Роль грамматики в переводе остается вне поля зрения. Между тем достижения современной лингвистики показывают, что адекватный перевод возможен только при учете взаимодействия лексики и грамматики. Для многих направлений современной лингвистики, в том числе функциональной грамматики, характерен отказ от проведения резких границ между грамматикой и лексикой [2: 15]. При переводе необходимо учитывать не только лексические, но и многие грамматические особенности языка и их функциональную специфику в тексте. Особенно важно это в том случае, когда в исходном языке имеется грамматическая категория, отсутствующая в языке, на который делается перевод, а также, когда одноименные грамматические категории имеют разную семантику (например, залог в русском и эстонском языках). Эти факторы необходимо учитывать и при русско-эстонском переводе, поскольку в силу типологических различий многие значения, передаваемые в одном языке лексическими средствами, выражаются в другом на синтаксическом или морфологическом уровне.

Литература

1. Вейдемманн Р. О русском влиянии в эстонской культуре // Postimees. 16.03.2009.
2. Князев Ю. П. Грамматическая семантика. Русский язык в типологической перспективе. М., 2007.
3. Issakov S. Nõukogudemaa rahvaste kirjanduse eesti keelde tõlkimise ajaloo // Looming. Tallinn, 1974.
4. Liivaku U., Meriste H. Kuidas seda tõlkida: järeltormatusest eestinduseni. Tallinn, 1975.

Военные статьи Ильи Эренбурга и проблема их перевода на немецкий язык

К. Манневитц

Грейфсвальдский университет имени Эрнста Морица Арндта (Германия)

cornelia.mannevitz@uni-greifswald.de

Илья Эренбург, публицистика, история Второй мировой войны, перевод

Summary. Under actual conditions of falsifying Ilya Ehrenburg's work has begun a translation of his war papers into German. The translator has to deal with characteristics of Ehrenburg as a journalist as well as with realia of the time as constitutional elements of his texts. An adequate translation, being at the same time objectively part of a political campaign, must carefully avoid both linguistic mistakes and historical preciseness resp. irritations to the current German recipient.

Статьи и листовки Ильи Эренбурга времен Великой Отечественной войны до сих пор не переведены на немецкий язык. Между тем, в Германии широко распространены слухи и прямые фальсификации их содержания, так же как и намерений и статуса их автора. В особенности это касается статьи 24 июля 1942 года «Убей», которая часто упоминается, но никогда не цитируется целиком. Автора обвиняют также в призыве к насильственному уничтожению немецких женщин, хотя

давно установлено, что такой статьи или листовки Эренбурга никогда не существовало. На этой основе возникают протесты против наименования улиц именем Ильи Эренбурга, сопровождаются комментариями фильмы об освобождении Германии от фашизма и т. п.

Эти фальсификации широко бытуют в общественном сознании Германии, но особенно охотно подхватываются правозащитными силами. Восстановление правды о со-

держании военных статей Ильи Эренбурга, таким образом, является и политическим актом. В ходе мероприятий, проводимых с 2007 года для сохранения имени Ильи Эренбурга одной из улиц в немецком городе Росток, начат перевод на немецкий язык на основе сборника «Война», изданном Б. Я. Фрезинским в 2004 г., военных статей Эренбурга.

Работа над этими статьями, переводчик, в первую очередь, сталкивается с особенностями авторского стиля Эренбурга-публициста. К ним относятся относительная бедность метафорами, многократное использование одних и тех же формулировок, краткость предложений, отсутствие союзов. Их следует сохранить в переводе. Кроме того, обращает на себя внимание обилие исторических данных и актуальных фактов о войне и тем самым собственных имен и цитат, полных ассоциаций для современников, но мало о чем говорящих ныне живущим поколениям. Основательная осведомленность автора о происходящем проявляется также в приведении им выражений и лозунгов фашистской идеологии, часто в немецком оригинале. Следует найти способ доведения этих элементов статей Эренбурга до сознания немецкого реципиента, учитывающий временную и культурную отдаленность его от читателя, современного Эренбургу,

и одновременно не способствующий политической идентификации. Наконец, нужно выработать эквиваленты для слов и выражений, отмеченных культурно-исторической коннотацией времен Великой Отечественной войны в Советском Союзе, таких, как «боец», «захватчик», «гитлеровец», не разрушая ни стилистической системы эренбургских текстов, ни ожиданий немецкого реципиента, но избегая излишний для восприятия интенций статей экзотизм.

Требования к переводу высокие, ведь речь идет не только о задаче лингвистической, но и о вкладе в дело правдивого изображения Второй мировой войны и восстановления исторической правды о творчестве писателя, публициста и общественного деятеля Ильи Эренбурга в условиях современного общественного дискурса.

Литература

1. Эренбург И. Г. Война. 1941–1945. М., 2004.
2. House J. Translation Quality Assessment: A Model Revisited. Tübingen, 1997.
3. Passet E. Der Feind im Bild im Spiegel — Die Deutschen und Ilja Ehrenburg // Neue Literatur. Zeitschrift für Querverbindungen. 1995. № 2. S. 5–14.
4. <http://www.rostocker-friedensbuendnis.de/initiative-ilja-ehrenburg>.

Стереотипы и этноспецифика при вторичной номинации человека в русском языке (в сопоставлении с чешским)

Е. М. Маркова

Московский государственный областной университет

Elena-m-m@mail.ru

Универсальное и специфическое в языках, моделируемость вторичных номинаций, агентивная лексика

Summary. The typical and the specific in the process of secondary linguistic objectivation is analyzed in the given report on the material of agentive names.

Изучение межъязыковых различий и национальной специфики, о чем так много пишут в последнее время, не может осуществляться без изучения и описания языковых универсалий. Делать выводы о специфическом в языках представляется возможным только через сопоставительные исследования билингвального и полилингвального характера. Идея общего, межнационального как приоритетная идея современной лингвистики была выдвинута в качестве основополагающей и консолидирующей для всех славян на проходившем в марте 2009 г. в МГУ Международном Симпозиуме «Славянские языки и культуры в современном мире» [1, с. 7–8].

Универсальными в языках оказываются, в частности, общие направления смыслового развития лексем, начиная от акта номинации, в котором реализуется первичная семантическая модель. Семантические сдвиги, переосмысления, перенос значений или наименований демонстрируют подчиненность единым моделям, действующим во всех языках. Вторичная объективация нередко сопровождается дополнительной коннотацией, имеющей оценочный характер, которая тоже нередко совпадает в языках. В особенности это относится к агентивным метафорическим наименованиям, в которых выделяются следующие стереотипические модели:

1) «предмет» → «человек». Так, рус. *звезда*, *золото*, *клад* и им соответствующие чеш. *hvězda*, *zlato*, *poklad* выражают положительную оценку человека. С негативной коннотацией часто используются названия острых предметов для женщин, например, рус. *тига*, рус. (разг.), рус. *шкрабина* и чеш. *rašple* «рашпиль, точащий инструмент». Нередки сравнения женщин с емкостями, вместилищами: рус. *бочка*, *старая перечница*, *старая скворечница* и чеш. *stará škatule* («старая шкатулка»). Пожилой человек ассоциируется с археологической древностью: рус. *реликт* — чеш. *vykopávka* «археологическая ценность»;

2) «дерево, пень, дубина, палка» → «глупый человек». Глупый человек нередко сравнивается с деревом: рус. *дубина*, *дерево*, *дуб* (рус. *дуб дубом* о глупом человеке), *пень*, *колода* и им соответствующие чеш. *dub* «дуб», *dřevo* «дерево», *pařez* «пень, чурбан», *trdlo* «дубина», *bidlo* «жердь, шест», *klacek* «каланча, балбес»;

3) «нечто длинное» → «человек». Как правило, данная модель характеризуется пейоративной коннотацией, напр., рус. *каланча*, *верста коломенская* — чеш. *dlohán* (от *dlouhý* «длинный»), чеш. *čahoun* «верзила» (от *čouhat* «торчать, высовываться»);

4) «дерево, растение» → «человек». Переносы, основанные на фитонимах, имеют как положительную, так и отрицательную оценку, напр., *березка* «молодая стройная женщина», *ромашка* — «наивная, романтическая девушка», *лопух* «простофиля, глупец», *мухомор* «старый высохший человек», *божий одуванчик* «древняя старушка» (ср. с чеш. *jako věchýtek* «как пучок соломы, как соломинка»), рус. *перец* — чеш. *paprika*. Сравнение человека с дубом отмечается в обоих языках не только в пейоративном значении. Дуб является очень распространенным образом в чешской (как и вообще в славянской) агентивной фразеологии, олицетворяющим собой крепость, мощь: *chlap jako dub* — рус. *парень как дуб*, *как бык*, *zdravý jako dub* — рус. *здоровый как бык*;

5) «предмет одежды, чехол, обувь» → «человек». Часто вербализации подлежат сравнения безвольного, слабого, неуклюжего человека с бесформенными предметами, которые можно легко смять, скрутить: рус. *шляпа*, *тряпка*, *мешок*, *тюфяк* — чеш. *čárice* «шапка (вязаная)» в значении «глупая женщина», *balík* «пакет» в значении «неотесанный человек, мешок». С целью дать негативную оценку нерасторопному, робкому человеку его сравнивают с обувью: рус. *валенки* и чеш. *bačkora* «тапочек», ср. рус. *старая калоша*. Женщин часто называют предметами одежды, напр., рус. *юбка* — чеш. *sukně* «юбка», *roba* «женское вечернее платье», *mašle* «бант»;

6) «музыкальный инструмент» → «человек»: напр., рус. фразему *бесструнная балалайка* «болтливый человек» и чеш. *trumdera*, *trulant* «болван, балбес» из «труба»; *trouba* «олух, болван» из *trouba* «труба»;

7) «продукт питания» → «человек»: часто получает языковое выражение сравнение полных женщин с пирогами, напр. рус. *булочка*, *квашня* — чеш. *buchta* «пирожок». *Воблой* называют у русских худую женщину, в чешском в этом случае употребительно слово с подобным внутренним обра-

зом: *suška* от *suchý* «сухой» (ср. с рус. *сушка* «маленькая баранка»). Рус. выражение *тертый калач*, основную семантическую нагрузку в котором имеет прилагательное *тертый* (т. к. тесто в процессе приготовления калача долго трут, мнут), обозначает опытного человека, пройдоху. В чешском ему соответствует выражение с аналогичной метафорой *protřelý člověk* (букв. «тертый человек») или *člověk, protřelý světem / životem* (букв. «человек, тертый миром, жизнью»);

8) «животное» → «человек». В славянских языках часто совпадают как положительно-оценочные, так и негативно-оценочные переносные значения зоонимов.

Приведенный материал демонстрирует моделируемость как основной механизм развития лексической семантики и стереотипический характер основных моделей при вторичной номинации лиц. Несмотря на то что конкретная реализация этих моделей в языках может быть национально специфичной, их сближает и общая коннотативная характеристика, выражающаяся в отрицательной или положительной оценке номинируемых лиц по их качествам, что в конечном счете является целью вторичной номинации. При этом обращает на себя внимание преобладание единиц с негатив-

ной коннотацией, выражающих неодобрительное отношение говорящих к тем или иным качествам человека, что связано с известными особенностями мировосприятия, при котором положительные явления воспринимаются как норма, а потому остаются без внимания, а отрицательные вызывают неприятие, осуждение, что закрепляется в языке.

Литература

1. Славянские языки и культуры в современном мире // Труды и материалы Международного научного симпозиума 24–26 марта 2009 г., Москва, МГУ. М., 2009.

Словари

1. Русский семантический словарь / Под общей редакцией Н. Ю. Шведовой. М., 2002.
2. Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М., 1950–1965.
3. Klégr A. Tezaurus jazyka českého. — Praha, 2007.
4. Mokienko V., Wurm A. Česko-ruský frazeologický slovník. Olomouc, 2002.
5. Rusko-český slovník. Leda, 2002.
6. Slovník spisovné češtiny pro školu a veřejnost. Praha, 2003 (SSČ).
7. Velký česko-ruský slovník. Leda, 2005.

Гендерные аспекты перевода поэтического текста

В. А. Мельничук

Белорусский государственный университет (Минск, Беларусь)

hatikva_gdola@mail.ru

Русский язык, перевод, гендерный стереотип, стилистически маркированная лексика

Summary. The main aim of this work is to find and describe difference of man and woman prepared speech, particularly in poetic translations. Translations were compared by quantitative characteristic of verbs, nouns and adjectives.

Целью нашей работы было выявить гендерные различия не в спонтанно созданном тексте, а в художественном стихотворном переводе-работе, требующей, безусловно, пристального внимания к слову. В нашем исследовании мы обратились к переводам стихов Г. Аполлинера, выполненными мужчинами и женщинами. Сравнивая «мужскую» и «женскую» версию перевода, мы пытались отметить какие-либо особенности, преобладающие исключительно у женщин или свойственные в большей степени мужчинам.

Заметим, что переводы принадлежат различным авторам. Таким образом, как нам кажется, справедливым будет утверждение, что выявленные особенности действительно могут иметь объективную природу, а не объясняться исключительно творческой манерой переводчика.

Основным методом нашего исследования был статистический подсчет определенных грамматических форм, синтаксических конструкций и стилистически маркированной лексики. При выборе элементов для изучения мы руководствовались стереотипами, которые традиционно сопутствуют образу мужчины и женщины. Так, считается, что мужчины-натуры более деятельные, в их речи преобладают глаголы и прямой порядок слов, поэтому мы особое внимание уделяли глаголам как основным носителям значения процессуальности, а также порядку слов в синтаксических конструкциях. Согласно подобному критерию были исследованы и слова, выступающие в функции определений.

В результате нашего исследования мы установили, что в переводах, выполненных мужчинами, стабильно преобладают глагольные формы.

Переводчицы же предпочитают отглагольные существительные, ср. переводы стихотворения «Большая осень» Линецкой и Ваксмахера: *...ветер и роица сплетая доверчиво руки / Безутешные слезы роняют листок за листком* (Вакс-

махер) и *...ветра плач и плач лесов / Лист за листом их плач осенний* (Линецкая). Мужчина стремится выразить движение, динамику. Таким образом, можно говорить, что гендерный стереотип «Импulsивность, активность — статичность, пассивность», «Индивидуальность — подчиненность» отображается наиболее последовательно.

Определения и стилистически маркированные слова также преобладают у мужчин, выражая более глубокие эмоции, а переводчица свое душевное напряжение передает, используя многочисленные слова с отвлеченным значением. Например, в переводе «Большая осень» абстрактные существительные распределились следующим образом: Ваксмахер — 2, Линецкая — 6, Русецкий — 4.

Синтаксис переводов исследовался по местоположению подлежащего и сказуемого, на что указывают 2 графы таблицы — прямой порядок слов / инверсия. Здесь стабильно отразился гендерный стереотип «Порядок — хаос». Мужчины-переводчики более склонны употреблять прямой порядок слов в предикативных конструкциях, а женщины выбирают инверсивный порядок слов, ср. переводы «Мост Мирабо» Кудинова и Стрижевской: *Проходят сутки, недели, года... / Они не вернутся назад. / И любовь не вернется...* (Кудинов) и *Вновь часов и недель повторяется смена / Не вернется любовь...* (Стрижевская). Использование мужчинами инверсии обусловлено зачастую требованиями ритмики.

Во всех исследованных текстах состав прилагательных представлен в основном качественными прилагательными. Вопреки ожиданиям, вызванным стереотипом о **большей эмоциональности** женщин, определения такого рода преобладают у мужчин.

Эти наиболее общие выявленные нами гендерные различия переводов количественно отражены в следующей таблице.

	Пер. «Осень»		Пер. «Большая осень»			Пер. «Мост Мирабо»	
	Линецкая	Яснов	Ваксмахер	Линецкая	Русецкий	Кудинов	Стрижевская
Глаголы	7	8	14	13	15	20	16
Определения	9	5	12	9	6	4	3
Прямой порядок	2	4	12	8	12	12	3
Инверсия	3	2	2	5	2	4	11
Стилистика	4	5	9	5	-	2	1

О фразеологизации инноваций переводного характера в современном русском языке

И. О. Наумова

Харьковская национальная академия городского хозяйства (Украина)

irina@bi.com.ua

Калька, переводная инновация, буквализм, фразеологизация кальки, фразеологическая калька

Summary. Paper treats the calques evolution in the recipient language while gaining the status of phraseological units. Focus is on the discrepancy between the two widely used concepts, namely *calque* — a translation of the foreign prototype and *phraseological loan* — borrowed phraseological item to belong to the phraseological system of the recipient language.

1. О необходимости разграничения терминов фразеологическая калька и калька

Необходимость исследования процесса фразеологизации инноваций переводного характера (калек) обусловлена, в первую очередь, потребностями выявления сущности и основных дистинктивных признаков лингвистического явления, приобретающего в современном мире широкое распространение в результате конвергенции языков. При анализе явления фразеологизации калек в первую очередь следует уточнить объем содержания понятия *фразеологическая калька*, так как именно наблюдаемая в лингвистической литературе его замена неравнозначными терминами (*синтаксическая калька, калька словосочетания, калька составного наименования, калькированная конструкция, калька устойчивых словосочетаний*) приводит к выявлению языкового материала, неоднородного по своим качественным характеристикам. Неоднозначность понимания рассматриваемого явления объясняется тем, что некоторые исследователи упускают из виду тот факт, что содержание составного по своей природе термина *фразеологическая калька* включает в себе как характеристику этой лингвистической единицы с точки зрения ее происхождения, способа образования, результата взаимодействия контактирующих языков (т. е. *калька*), так и с точки зрения ее функционирования в фразеологической системе языка-рецептора в ранге фразеологической единицы (*фразеологическая калька*). Следовательно, понятия *калька* (словосочетания, предложения, синтаксическая) и *фразеологическая калька* обладают разным языковым статусом, соответственно являясь фактом речи и языка, что подчеркивает необходимость строгого разграничения вышеупомянутых терминов. Термин *фразеологическая калька* подразумевает воспроизводимые устойчивые обороты, в отличие от ситуативно создаваемых слов и сочетаний, которые существуют лишь в определенном словесном окружении (контексте) и по своему происхождению являются кальками. Только что появившиеся в языке *кальки* представляют собой как словные морфемосочетания и семантемы, так и контекстуально прикрепленные словосочетания и предложения. Инкубационный период формирования в языке *фразеологической* инновации, являющейся калькой по происхождению и способу образования, раскрывает потенциальные возможности фразеологизации переводного переменного словосочетания.

2. Фразеологизация кальки

1. Стадия фразеологизации кальки — это транспозиция свободных сочетаний, созданных по образцу устойчивых иноязычных прототипов, в силу определенных интра- и экстралингвистических факторов в разряд единиц фразеологической системы русского языка (языка-рецептора), представляющей широкую серию «константных образований, целиком извлекаемых из памяти — от идиом, семантически эквивалентных словам, до пословиц и крылатых слов...» [2: 42]. Понимание фразеологического оборота как воспроизводимой в готовом виде единицы языка обуславливает обязательное прохождение этапа становления, формирования в языке фразеологической кальки, так как ее исходная форма — инновация переводного характера, калька — является результатом человеческого словотворчества, возникает в процессе перевода и, естественно, не может обладать в период своего зарождения как свойством воспроизводимости

сти, так и константностью своего лексического состава и структуры.

2. Если прототипом пословного перевода иноязычного выражения служит свободное словосочетание, то в таком случае в языке-рецепторе возникает не калька, а контекстуально закрепленный буквализм, ошибочно в ряде случаев отождествляемый с явлением калькирования устойчивого словосочетания. Л. С. Бархударов рассматривал буквальный перевод как «перевод, осуществляемый на более низком уровне, чем тот, который достаточен для передачи неизменного плана содержания при соблюдении норм ПЯ» [1: 10], исходя из утверждения, что «единица любого языкового уровня может оказаться единицей перевода» [1: 4]. Различие между буквальным переводом и калькой фразеологической единицы заключается в том, что в случае наличия переносного значения прототипа, отражая внутреннюю форму слова в новом языке, калька одновременно с воспроизведением прямого значения компонентов, переносит и образность выражения, что дает возможность восприятия всей полноты обозначаемого ей явления. Наряду с этим, калька хоть и является фактом речи, но в отличие от буквализма она обладает потенциальной возможностью стать фактом языка в силу указанных выше причин.

3. Что касается возможности включения исконно русских калек по иноязычной модели (устойчивой по своей природе в языке-источнике — ФЕ) в состав русской фразеологии, минуя как бы этап фразеологизации по аналогии с процессом формирования исконно русских фразеологических оборотов (образованных по устойчивой в языке исконно-русской модели на базе уже существующего в системе языка фразеологизма), то подобное признание тождества разных по своему содержанию языковых процессов явилось бы глубоким заблуждением по следующим причинам. Во-первых, в данном случае имел бы место недопустимый механистический перенос, наложение фактов одного языка на явление другого языка. Во-вторых, на наш взгляд, в тех случаях, когда фразеологическая система русского языка пополняется фразеологизмами, возникшими якобы сразу в языке в качестве готовых фразеологизмов по устойчивым в языке моделям, не нуждающимся в своем становлении в стадии перехода из разряда свободных сочетаний в устойчивые воспроизводимые единицы языка, происходит не первичное образование фразеологических единиц, а вторичная фразеологизация имеющегося уже в системе языка фразеологизма.

Пройдя этап *фразеологизации* и утвердившись во фразеологической системе перенявшего их языка, устойчивые воспроизводимые словосочетания обретают ранг *фразеологических калек* на новой языковой почве. Следовательно, выделение фразеологических калек в системе языка-рецептора возможно лишь на определенном этапе формирования кальки, позволяющем выявить дистинктивные признаки, необходимые для признания ее *фразеологической калькой*. В эпоху глобализации и углубления процессов языковой конвергенции вопросы теоретического осмысления природы заимствования и языкового обогащения приобретают особое значение для исследователей русского языка.

Литература

1. Бархударов Л. С. Уровни языковой иерархии и перевод // Тетради переводчика. Вып. 6. Л.; М., 1969.
2. Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка. М., 1969.

Факторы, влияющие на перевод юридической терминологии с русского языка на английский язык

Т. П. Некрасова

Юридическая фирма «Гольцблат БЛП»
tammy@inbox.ru

Русский язык, английский язык, юридическая терминология, перевод

Summary. This report focuses on factors affecting translation of legal terms from Russian into English. It highlights the importance of legal translation in a modern business environment and explains the specifics of this type of translation. It raises the problems of translation accuracy and adequacy and emphasises the discrepancy between theoretical requirements applicable to terms, on the one hand, and their creation and existence, on the other hand.

1. Актуальность юридического перевода. На современном этапе в условиях углубления интеграционных процессов и расширения экономического сотрудничества как на межгосударственном уровне, так и на уровне предприятий и компаний, особую важность и актуальность приобретает такой вид перевода, как юридический перевод. Большое количество реализуемых в настоящее время трансграничных сделок и проектов, являющихся предметом юрисдикции нескольких государств, требует не только квалифицированной юридической поддержки, но и комплексного лингвистического сопровождения, предполагающего профессиональный перевод юридической и финансовой документации.

2. Специфика юридического перевода. Юридический перевод — особая область перевода, находящаяся на междисциплинарном стыке, на пересечении лингвистики и права и потому требующая от переводчика не только глубоких языковых знаний и основательной лингвострановедческой подготовки, но и знакомства с основами права, ориентации в базовых правовых понятиях и концепциях, аналитических умений, логического мышления.

3. Проблемы обеспечения точности и адекватности перевода. Добиться точности и адекватности перевода — задача непростая, что отмечают многие теоретики перевода, в частности, Я. И. Рецкер [3: 12–13]). Российское законодательство изобилует противоречиями, неясностями, терминологическими казусами и нестыковками. Много в нем и терминов, которые либо являются многозначными (при этом не все значения фиксируются в словарях), либо отличаются весьма специфичным соотношением плана выражения и плана содержания, когда внешняя оболочка не только не помогает раскрыть смысл, но иногда даже затемняет его. Все это неизбежно осложняет перевод, особенно в тех случаях, когда требуется перевод именно «по смыслу», поскольку некоторые термины невозможно перевести, даже описательно, не понимая их сути. Выяснение смысла зачастую требует серьезных поисковых и аналитических усилий, так как дефиниции терминов, используемых в законодательстве, содержатся в нем не всегда, имеющиеся определения особой четкостью и ясностью не отличаются, один и тот же термин в разных правовых актах может иметь разные трактовки.

4. Факторы, обуславливающие сложность межъязыковой трансляции русской юридической терминологии. Смысловая «завуалированность» многих терминов обусловлена целым рядом факторов, которые необходимо учитывать в переводе. К их числу относятся:

1) Российская правовая специфика с терминологическим наследием «советского» прошлого. Примеры: *право оперативного управления, право хозяйственного ведения, арбитражный управляющий, неразграниченная государственная собственность, балансовая принадлежность, дирекция единого заказчика.*

2) Кажущаяся специфичность некоторых терминов, международная суть которых скрыта в своеобразной словесной

оболочке. Примеры: *валюта баланса, учет по отгрузке, строительство хозспособом.*

3) Терминологическая вариативность. Пример: *заказчик-застройщик.*

4) Многозначность ряда терминов и терминологических словосочетаний. Примеры: *в бесспорном порядке, льготный.*

5) Своеобразие предположно-падежных конструкций, характерных для юридического языка (трудность определения значения предлога и того, какие синтаксические связи выстраиваются с его помощью, показателем каких синтаксических отношений он является в предложении). Пример: *предъявление претензий по неправомерному применению компанией вычета по налогу на добавленную стоимость по расходам на аренду.*

6) Обилие абстрактных существительных и номинативных цепочек, которые требуют переводческих трансформаций. Пример: *анализ вариантов договорного структурирования хозяйственных связей при реализации продукции на экспорт.*

Иногда эти факторы «работают» вместе: многозначность термина может быть осложнена вариативностью его использования, к полисемии могут добавляться «предложные» трудности.

5. Расхождение между требованиями, предъявляемыми к терминам в теории, и практикой их создания и использования. Нормативные требования к термину, впервые сформулированные основоположником русской терминологической школы Д. С. Лотте, включают в себя: системность терминологии, независимость термина от контекста, краткость термина, его абсолютную и относительную однозначность, простоту и понятность, степень внедрения [2: 73]). Однако, как показывает практика, целый ряд юридических терминов и терминологических словосочетаний имеют тенденцию не к однозначности, а, наоборот, к многозначности, что отчасти объясняется общей неупорядоченностью юридической терминологии и неурегулированностью терминологических вопросов в этой области. В связи с этим особую остроту приобретает проблема лингвистической нормативности, которая понимается как «правильность образования и употребления термина» [1: 198]. Многозначность терминологической лексики является одним из «факторов риска» в юридическом переводе.

Все вышеперечисленные факторы, каждый в своей мере, влияют на перевод, требуя от переводчика не только знаний, собственно языковых и фоновых, но и особой тщательности в отборе языковых средств, глубины взгляда, а иногда и просто лингвистической интуиции.

Литература

1. Граудина Л. К., Ширяев Е. Н. Культура русской речи. М., 2009.
2. Лотте Д. С. Образование системы научно-технических терминов. М., 1961.
3. Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика. М., 2004.

Исламская религиозная лексика в современном русском языке: проблемы межъязыковой передачи

А. М. Описева

ГОУ ВПО «Омский государственный технический университет»
opieva_a@mail.ru

Религиозная лексика, арабоязычные заимствования, исламская (мусульманская) терминология

Summary. The actual problems of a translation Islamic religious lexicon are considered in this work. The author analyses ways of adoption this lexicon in the modern Russian language: from translation to borrowing by means of transcription and transliteration.

Российская действительность конца XX — начала XXI века характеризуется не только становлением рыночной эко-

номики, но и возвращением к общечеловеческим духовным ценностям. Безусловно, эти процессы отражаются на лексич-

ке современного русского языка. Если большая часть понятий, связанных с христианским (и уже — православным) учением и культурной практикой просто меняет свою «стилистическую окраску», переходит из пассивного словарного запаса в активный, то терминология других религий, даже традиционных для России, еще не закреплена в узусе и, следовательно, в словарях.

Возникновение Ислама на аравийском полуострове обусловило становление мусульманской богословской мысли именно на арабском языке, Коран является священным текстом для мусульман также только в арабском оригинале. Труды, написанные российскими мусульманскими богословами в дореволюционный период, создавались, как правило, на арабском или национальных языках (старотатарском, аварском, даргинском, кумыкском и пр.). Все это объясняет тот факт, что за много веков существования Ислама на территории российского государства мусульманская религиозная лексика практически не была усвоена русским языком.

Существует два метода передачи слова из одного языка в другой: найти равнозначную по смыслу (значению) лексико-семантическую единицу — т. е. сделать перевод, или передать ее звучание (написание) посредством транскрипции (транслитерации).

Перевод арабоязычных религиозных терминов. Перевод как процесс передачи понятий средствами другого языка сводится, по сути, к поиску эквивалентного (в данном контексте — правильно найденного) соответствия. Это не всегда возможно даже для общеупотребительной лексики, не говоря уже о такой специфической, как религиозная. Допустим, что *малик* (*малаик*) возможно перевести как *ангел*, *Иблис* — *Сатана*, *иман* — *вера*, *инкар* — *неверие*, *саяят* (*ас-саяят*) — *молитва*, *саум* — *пост*, *джанна* (*джаннат*) — *рай* и пр., но даже при таком выборе эквивалента адекватность перевода остается под вопросом.

Дело в том, что при переводе религиозных терминов на русский язык используются понятия и образы христианской культуры, так как именно в результате принятия христианства они и появились. Не вдаваясь в богословские тонкости, отметим, что образ мусульманского Иблиса не равнозначен образу Сатаны в христианской традиции. Концепции рая в Исламе и христианстве совершенно разные. *Саяят* — обязательная ежедневная молитва (у мусульман — пятикратная, среди российских мусульман более известная как *намаз*), любая другая молитва «от себя» — это уже *дуа* и т. п. Последняя также часто переводится как *мольба*, *звывание*, *просьба*. Встречаются переводы и вовсе анекдотичные: во многих изданиях *барзах* трактуется как *загробный мир*, несмотря на то, что мусульман никогда не хоронили в гробах.

Вышесказанное, конечно, не повод вообще отказываться от перевода исламской терминологии. Но необходимо помнить, что у читателей такой литературы — рядовых мусульман, могут возникать определенные трудности восприятия, и находить компромиссное решение (дополнительные объяснения помещать в сносках, сносах, примечаниях и т. п.).

Многие понятия и термины (т. е. названия, обозначения понятий) не имеют аналогов в русском языке, перевести односложно их нельзя, но можно растолковать, например:

таваккуль — «упование на Бога, умение снять с себя любую моральную и психологическую тяжесть после выполнения всего необходимого, проявление смирения, вверив

себя воле Господа и положившись на Его всеисие и всезнание» [2: 461]; «упование на Аллаха после того, как человек приложил все необходимые усилия для претворения в жизнь своего намерения» [1: 307].

Как правило, подобные лексемы передаются с помощью транскрипции и (или) транслитерации.

Передача способом транскрипции (транслитерации). Транскрипция и транслитерация есть «беспереводное употребление иностранного слова, которое может быть усвоено языком перевода и стать заимствованием» [4: 34]. Обычно эти способы передачи смешиваются, особенно когда фонетическая система принимающего языка не имеет точных звуковых эквивалентов исходного языка, а приблизительных имеет больше одного:

كَافِرٌ — *кафр*, *кяфр*, *кафир*, *кяфир* (не верующий в существование или единство Аллаха);

تَوْبَةٌ — *таубат*, *тауба*, *тавба*, *тавбу* (покаяние, обращенная Аллаху мольба о прощении грехов);

دَعْوَةٌ — *даават*, *дагват*, *да'ва*, *да'ват* (призыв к вере, пропаганда Ислама).

Второй и третий примеры также иллюстрируют широко распространенную тенденцию транслитерировать непронизносимую в арабском оригинале графему «та марбута» **ة**, которая выражает грамматическое значение женского рода. Метод транслитерации используется и в случае перевода артиклей: *ас-салам*, *аль-китаб*, *аль-кудси*.

Возникает проблема правильной графической передачи звуков, не имеющих соответствий в русском языке, особенно увулярных. Вообще «фонемные (фонетические) замены всегда в определенной степени условны и относительны. <...> В результате многоэтапного процесса возникает несколько графических записей заимствованного слова, часть из которых вполне соответствует критерию графической правильности» [3: 7].

Написание *Кур'ан* (при наличии устоявшегося *Коран*), *та'виль*, *са'* противоречит нормам русской графики, не говоря уже о том, что один и тот же знак (апостроф или перевернутый апостроф) зачастую используется для передачи разных звуков. Принцип фонетического подобия должен быть подчинен принципу удобства произнесения непереводаемого понятия в принимающем языке (а в отдельных случаях — еще и требованию благозвучия).

Таким образом, исламская арабоязычная религиозная лексика находится на ранней стадии заимствования, которая характеризуется и колебаниями семантического наполнения лексических единиц, и неустойчивостью фонемного состава лексем.

Литература

1. Али-заде А. Исламский энциклопедический словарь. М., 2007.
2. Аляутдинов Ш. Путь к вере и совершенству / Под ред. М. Заргишиева. Изд. 5-е, дораб. М., 2005 (Серия «Bibliotheca Islamica»).
3. Нечаева И. В. Актуальные проблемы письменной адаптации иноязычных заимствований: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. М., 2008.
4. Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода / Доп. и коммент. Д. И. Ермоловича. Изд. 3-е, стереотип. М., 2007.

Взаимоотношение оригинального и переводного текстов в рамках лингво-философской парадигмы первичности / вторичности (на примере переводов стихотворения Иосифа Бродского «Меня окружают молчаливые глаголы...»)

Е. В. Полищук

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
elenapolishchuk@mail.ru

Оригинал и перевод, первичность / вторичность перевода, смысловое развитие оригинала в переводе, выбор языковых средств

Summary. The report is devoted to analysis of translation as secondary vs primary communicative act.

Изучение феномена перевода связано с раскрытием множества лингвистических, психолингвистических и философских проблем. Одной из таких важных для адекватного понимания сути переводческого процесса и достижения 514

правильности (точности, верности) переводного текста является проблема **вторичности перевода**. Это возможно объяснить, прежде всего, тем фактом, что перевод изначально служит эквивалентом, «заменой» текста оригинала. Од-

теплоты и задушевности, как не хватает этой коннотации в прилагательном *сладкий*. А дом вообще *сладким* быть не может, поскольку это одна из самых значимых ценностей в русском языковом менталитете и для его положительной характеристики обязательно требуется присутствие в оценке моральной или эмоциональной семы и недостаточности семы 'внешней приятности'.

Поэтому в русском языке отсутствует «симметричность» между коннотативной семантикой антонимов *сладкий* и *горький*, которая присутствует в прямом значении слов. *Горькая участь, горькая печаль* — это всегда плохо, но невозможно на этом фоне **сладкая участь, сладкая печаль*, потому что *сладкий* — это не всегда хорошо: это только внешне приятно, что для русской системы ценностей мало, чтобы оцениваться как «вполне хорошее».

В английском же языке, напротив, быть внешне приятным (на базе синестетического метафорического переноса: 'приятный для вкуса → для слуха → для глаз') — вполне достаточно для общей положительной оценки явления или лица. Ср. в английском языке вполне нейтральное обращение к любимому человеку *Honey!* (буквально 'мед, медовый') в значении *Милый / милая*. Наше слово *мед* не содержит подобной коннотации, поэтому обращение к любимому человеку через обращение к гастрономический культурному коду в русской культуре не имеет потенциала положительной оценочности.

Примерно те же ценностные приоритеты мы наблюдаем при употреблении слов *красивый* и *прекрасный*, значение которых, как принято считать, различается лишь «степенью интенсивности проявления признака», т. е. только количественно. Однако на уровне национально-культурных ценностных коннотаций различие между этими прилагательными имеет качественный характер.

Так, можно сказать *красивые глаза* и можно сказать *прекрасные глаза*. Но это — разные глаза, потому что слово *красивый* имеет коннотацию 'привлекательный на вид', т. е. производящий хорошее впечатление своим внешним видом,

но не внутренними свойствами. А мы уже показали, что русскому миру ценностей этого мало. Если я хочу дать по-настоящему положительную оценку, я скажу — *прекрасные глаза*, т. е. наполненные теплом и задушевностью, одухотворенные (как у княжны Марью Болконской в романе «Война и мир»). У слова *прекрасный* другая коннотация — 'ориентированный на этический или эстетический идеал', т. е. прекрасное обязательно включено в систему духовных норм и ценностей. Так, про собаку я скажу *красивая собака*, если она производит безукоризненное впечатление своим экстерьером. Но я скажу *прекрасный пес*, если она верная, ласковая и хорошо мне служит, т. е. идеально выполняет свое предназначение. *Красивая девушка* и *прекрасная девушка* — это две разные девушки. *Красивая* — это привлекательная внешне, но она не обязательно *прекрасная* по своему внутреннему миру и поведению. *Прекрасная девушка* обязательно должна быть красива духовно (и даже мы простим ей некоторые недостатки внешности).

В английском языке тоже есть два слова *beautiful* и *fine*, и если первое соотносится с нашим *красивый*, то второе имеет другие коннотации: *fine* или действительно обнаруживает высокую степень проявления признака *beautiful*, т. е. близко к *excellent* ('отличный'), или содержит оттенок смысла 'изящный, утонченный', т. е. опять демонстрирует нам тяготение к оценке через производимое впечатление от внешнего вида. Однако в английском языке все же не обнаруживается национально-культурного коннотативного эквивалента русскому *прекрасный*, обязательно включающему в себя представление о духовной ценности оцениваемого объекта.

Очевидно, что для нахождения максимально точного соответствия при передаче слов исходного языка посредством их межъязыковых эквивалентов недостаточно учитывать совпадение объема и содержания предметной семантики указанных единиц: необходимо иметь в виду наличие сходств и различий в их ассоциативно-коннотативном фоне, имеющем этнокультурную специфику в каждом из языков.

Соматизмы в русском и литовском языках (в контексте межнационального общения)

Й. Я. Русецкая

Вильнюсский педагогический университет (Литва)

jovitaruseckaja@yahoo.com

Соматизмы, фразеологизация, сопоставление, особенности употребления, экспрессивность

Summary. *Somatic Phraseological units in the Russian and Lithuanian Languages (in the View of the International Communication).* Language differences show the specificity of the language. The idioms are determined as one of the most vivid form of self — expression of people national community. The main attention is paid to the Russian somatic phraseological units which had no equivalents in the Lithuanian language, because they display the specific emotional character of the Russian somatic idioms and the peculiarities of international Russian-Lithuanian communication.

1. Соматизмы в лексических системах языка являются особыми единицами.

Соматические фразеологизмы составляют подсистему фразеологии и тем самым являются важным средством формирования языковой картины мира.

2. Лексические системы русского и литовского языков обнаруживают как сходства, так и различия.

(1) Сходства и различия обоих языков наблюдаются в этимологии, семантике, сочетаемости лексем, в структуре и в употреблении фразеологизмов.

(2) Сходства данных языков объясняется не только их генетической близостью, принадлежностью к одной и той же индоевропейской семье, но также бывшими тесными контактами (культурными, экономическими, военными, торговыми и др.) на всех этапах их развития, вплоть до недавнего времени.

3. Анализ материала фразеологических словарей русского [3] и литовского [4], [5] языков показал, что соматизмы характеризуются большой фразеобразующей продуктивностью.

(1) В русском языке в самом большом количестве представлены соматизмы, содержащие слово-компонент *рука* (160 соматизмов), за ними следуют соматизмы с компонентами *глаза* (142 сом.), *голова* (121 сом.), *нога* (88 сом.), *душа* (70 сом.), *сердце* (60 сом.), *язык* (57 сом.), *зубы* (30 сом.), *нос* (25 сом.) и т. д.

(2) В литовском языке самую большую группу соматизмов образуют фразеологизмы с компонентом *akys* «глаза» (653 сом.), затем *galva* «голова» (424 сом.), *širdis* «сердце» (360 сом.), *ranka* «рука» (275 сом.), *koja* «нога» (211 сом.), *nosis* «нос» (200 сом.), *liežuvis* «язык» (192 сом.), *dantis* «зубы» (174 сом.).

4. Носители русского языка воспринимают мир — через руки, а носители литовского языка через глаза.

Чем в народной и языковой традиции какая-то часть тела является наиболее важной для человека и для выражения его чувств, тем чаще его название входит в состав соматизма и тем легче происходит процесс фразеологизации этих выражений.

5. В русском и в литовском языках наблюдается безэквивалентные фразеологизмы со словом компонентом *сердце / душа*.

(1) Безэквивалентные соматизмы литовского языка, следующие: *dūšia kakle* (букв. *душа на лбу*), *dūšia nešti rankoje* (букв. *нести душу в руке*) — употребляется в значении «очень устать»; *dūšią taisyti* (букв. *поправлять душу*) — в значении «похмеляться»; *ant tuščios dūšios* (букв. *на пустую душу*) — в значении «на голодный желудок»; *žydo dūšia* (букв. *душа еврея*) — в значении «скрытый, тихий человек» и др.

(2) В литовском языке соматизмы со словом *душа* (лит.: *siela*) не употребляются, кроме как в разговорной речи.

Большинство ФЕ данного типа заимствованы из русского языка (*ne gyvos dūšios — ни живой души; viena dūšia — душа в душу; gatavas dūšią atiduoti — готов душу отдать; su dūšia — с душой; kaip dūšia be vietos — душа не на месте; ne prie dūšios — не по душе; su dūšia ir kūnu — с душой и телом* и т. д.).

6. В соматизмах с компонентом душа в литовском языке употребляется слово — сердце (лит.: širdis).

В литовском языке *болит* и *плачет сердце*, а в русском *болит* и *плачет сердце* и *душа*. Соматизм *душа болит* употребляется только в русском языке, т. к. в литовском языке данной ФЕ соответствует соматизм *širdį skauda (сердце болит)*. В связи с этим можно утверждать, что у русского *душа болит*, а у литовца *сердце плачет*.

7. Наиболее частотными как в русском, так и в литовском языках являются такие фразеологизмы как:

(1) *Сердце кровью обливается; сердце разрывается* — *širdis plyšta; сердце (душа) изнывает / ноет* — *širdies klyksmas; сердце (душа) болит* — *širdį skauda; скребет на сердце (душе)* — *širdies graužas; кошки скребут на сердце (душе); сердце щемит* — *širdies gėlimas; сердце сжимается* — *širdį spaudžia; сердце кипит, отрывается от сердца, сердце берет / взяло* и др., отражают волнение, переживание, страдание, гнев.

(2) *Сердце оборвалось; сердце (душа) в пятки уходит; сердце падает; сердце екает; сердце замирает; сердце не на месте* — *širdis ne vietoje* и нек. др., передают состояние испуга.

(3) Человеческую тревогу и волнение передают такие фразеологизмы как: *сердце замирает, сердце не на месте, серд-*

це обрывается, душа перевертывается, душа (сердце) падает и др.

(4) Подавленное состояние человека передают следующие соматизмы: *Камень на сердце (душе), тяжесть на душе (сердце), гора на душе, свинец на душе* и др.

(5) Отражение положительных эмоций человека: *за милую душу, вкладывать / вложить в душу, душа нараспаику, не чаять (не слышать) души, от чистого сердца* (лит.: *atlapos širdies*), *с открытым сердцем* (лит.: *atvira širdimi*) и т. д.

8. Межкультурная коммуникация стала неотъемлемой частью нашей жизни.

(1) Проблема понимания «чужой» культуры, «чужого» языка является одной из наиболее актуальных.

(2) При сопоставлении выявляются именно те различия, которые являются индивидуальными для определенного языка, тем самым образуя пласт языковых трудностей при межкультурной коммуникации.

Литература

1. Гоголь Н. В. Мертвые души: поэма. М., 1985.
2. Ломакина О. Роль фразеологических единиц с компонентом-соматизмом в формировании концепта «человек» (на материале народных драм Л. Н. Толстого) // Слово в словаре и дискурсе. М., 2006. С. 431–432.
3. Молотков А. И. Фразеологический словарь русского языка. М., 1986.
4. Paulauskas J. Sisteminis lietuvių kalbos frazeologijos žodynas. Kaunas, 1995.
5. Paulauskas J. Frazeologijos žodynas. Kaunas, 2001

О семантике лексем *подозрения* в греческом и русском языках

О. М. Савельева

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

rus.177@gmail.com

«Подозрение», лексика, обобщенность / конкретность значения

Summary. In is proposed to compare the lexemes conveying the suspicion space in Greek and in Russian. The result of the research indicates that in Greek the mental-emotive semantics aspect dominates, but in Russian specific visual meaning distinctly is preserved (the Russian Chronicles of 15–17cc.).

Предполагается кратко сопоставить особенности семантики лексем *подозрения* в древнегреческом и русском языках, имея в виду для последнего источники достаточно раннего периода — летописные тексты XV–XVII вв.

В качестве основных для семантики *подозрения* вычлениваются линии «предполагать что-либо, допускать возможность чего-либо», при этом значения предположения, допущения / возможности стабильно сочетаются здесь с идеей недоверия, сомнения. Иными словами, характерной особенностью слов *подозрения* является присутствие у них отрицательной коннотации.

В словообразовательном отношении греческие лексемы *подозрения* ὑποπτεύω, ὑφοράω и их дериваты ὑποπτευτής, ὑπόπτεψα, ὑποψία, ὑφοράσις (ср.: ὑποβλέπω — «смотреть искоса, сердито, с недоверием, подозрительно») отражают продуктивную индоевропейскую модель «префикс «под» + основа зрения», ср.: лат. suspicō; русск. *подозрение*; польск. podejrzanie; англ. suspicion и др. В современном греческом значение *подозрения* сохранилось за лексическим рядом ὑποψία.

В ходе развития синонимичной им лексемы ὑπόνοια, ὑπονοέω, этимологически опирающейся на основу с ментальным значением (букв. под-мысль, под-смысл), ее ментальная природа не была ослаблена или утрачена, что отразилось в исторически итоговом значении: в современном греческом ὑπονοέω — «подразумевать, намекать».

Для древнегреческого сама тема и, соответственно, лексика *подозрения* фиксируются с регулярной, пусть и средней, частотностью преимущественно в литературном нормативном языке исторической (Геродот, Фукидид, Ксенофонт), философской (Платон, Аристотель) и ораторской прозы (Лисий, Исократ, Демосфен); в языке трагиков; у эллинистических авторов Эпикура и Феокрита; в литературе поздней античности у Лукиана, Диогена Лаэртца и др.

Рассмотрим следующие примеры. Безобъектное употребление «быть подозрительным» как «иметь склонность к

недоверию» фигурирует, например, в известной речи Лисия об оправдании мужа, как убийцы прелюбодея: ...καὶ οὐδέποτε ὑπόπτευε (I, 10) — «и я никогда не склонялся к *подозрению*», т. е. не думал плохо (о жене). Транзитивная конструкция с асс. pers. с. inf. передает у Геродота предположение нежелательного события (речь идет о возможном бегстве Ксеркса из Афин): ὑπόπτευε αὐτὸν δρησὸν βουλεύειν (Hdt. VIII, 100) — «[Мардоний] *подозревал*, что он замыслил побег».

Подозрение в языке русских хроник XV–XVII вв. может быть связано с обозначением отрицательного отношения к объекту, даже без разъяснений причин такого настроения: «наместник Тульской имеет на тебе ...*подозрение* и письма твои перенимает» (Хроника Спафария, запись отн. к 1678 г.), ср. там же: «..они...были в великом *подозрении*». Тот же источник в описании Китая утверждает, что «...они [китайцы] самые *подозрительные* (т. е. *недоверчивые*) люди» (Китай, 199). Смысл «хитростью, интригами добиваться чего-то», передаваемый через линию *подозрения* (ср. греч. κάθ' ὑπόνοιαν), отмечен в Ипатьевской летописи: «Изяслав человек крест к нама, яко не *подзрѣти* Киева» (под (1159).

Интересен рефлекс зрительной семантики, который присутствует в конкретном значении «подозрители / *подзрити*» (совершенный вид к «подзирати» как «наблюдать из засады, подстеречь, выследить») — «Которые станичники *подозрят* людей... на дальних урочищах» (отн. к 1571 г., АМГ. I, 3). Аналогично см.: Казанская летопись, 300 (отн. к XVI–XVII вв.).

Наиболее сильно первичное значение *зрения* присутствует в глаголе «подозрети» как в специализированном «приметить, подсмотреть зверя в логовище». Страдательное причастие от него «подзранный» (зверь) зафиксировано в Словаре 1867 г. как термин с пометой «охот.». Последний пример в определенной степени можно сопоставить со сравнением из идиллии Феокрита οἶα θήρ ὑλαῖος ὑποπτεῖται κυναγῶς (Theog. XXIII, 10) — «охотник высматривает, слов-

но лесной зверь» на основе общего для обоих случаев семантического компонента «наблюдать, выслеживать», но при этом следует учитывать поэтическую образность и стилистику греческого пассажа.

В греческом языковом концепте подозрения, выстроенном на мыслительно-эмотивной линии как основной для него, в соединении с негативными модальными компонентами скрытости-неясности, опасения-недоверия, не наблю-

дается принципиальных отличий с русским, в частности, в архаическом преломлении последнего.

Однако, при всей близости греческого и русского концептов подозрения, можно заметить, что в первом доминирует ментально-эмотивная семантика, во втором, она также, естественно, будучи основной, все же в большей степени сохранила устойчивость конкретного зрительного значения, в частности, в летописных текстах XV–XVII вв.

О проблемах адекватности перевода русской поэзии на английский язык

Т. И. Саенко

Нагойский университет коммерции и бизнеса (Япония)

tisayenko10@yahoo.com

Поэзия, перевод, ритм, звукоформа

Summary. This paper discusses the issue of adequacy in poetry translation. It mainly focuses on the comparative study of the sound and rhythm form of poetic texts in their original (Russian) and translation (English) variants. The author argues that one of the criteria for a «re-creative» translation of poetry is rendering the sound pattern and the inner rhythm, or the musical mode, of the original text.

Перевод поэтических текстов является наиболее сложным в переводческой деятельности. Многие теоретики и практики перевода считают, что оригинальное поэтическое содержание и форма неизбежно теряются при переводе. Они утверждают, что невозможно передать все черты оригинала, используя форму и выразительные средства, приемлемые в условиях другого языка и другой культурной традиции. Продолжающийся спор о том, что важнее, содержание поэтического произведения или его художественная форма, не приводит к однозначному ответу. В результате, при переводе поэтических текстов страдает и содержание и форма. Большинство переводов русской поэзии на английский язык — яркий тому пример. Неудивительно, что русской поэзией в англо-говорящих странах восхищаются только те немногие, кто знает русский язык.

Несмотря на то, что язык перевода не может полностью заменить оригинал, верно и то, что если существует не-

сколько разных способов выразить мысль, то один из них может быть лучше всех остальных. Наиболее успешные поэты-переводчики чаще всего фокусировали внимание не столько на адекватном переводе деталей, как на передаче нюансов звучания и эмоционального тона всего произведения, стараясь достичь эффекта подобного оригиналу.

Предлагаемая статья посвящена сравнительному анализу звуковой формы и ритма пяти стихотворений А. Пушкина в их оригинале и в переводе на английский язык. По мнению автора, одним из важных критериев адекватного перевода поэтических текстов является передача звукоформы и внутреннего ритма оригинала. Учитывая то, что ни грамматическая структура ни словарь, используемые автором, не могут быть полностью воссозданы в языке перевода, ритм и звуковая форма поэтического произведения остаются одними из главных следов авторского стиля выражения, и должны быть переданы при переводе.

Разновременные переводы как источник информации о динамике нормативных процессов в принимающей лингвокультуре

С. В. Серебрякова

Ставропольский государственный университет

svetla.na@mail.ru

Переводной текст, семантическое пространство, переводящий язык, принимающая лингвокультура

Summary. The original text and its translation versions are viewed in the paper as the unified semantic area making it possible to get information of the translating language standard dynamics.

Общепринятой является трактовка перевода как важного социального и культурного явления, способствующего, с одной стороны, обогащению принимающих языков и литератур и, с другой, открывающего окно в мир других культур. Правомерной представляется трактовка текста оригинала и всех его переводных версий как целостного переводческого дискурсивного пространства большой объяснительной силы [2], позволяющего бесконечно приближаться к замыслу творца в живом континууме языка и культуры.

Появление новых переводческих версий в различных социокультурных условиях является, без сомнения, доказательством высокой художественной и эстетической ценности оригинала. В этом контексте можно говорить и о «жизненности» переводного текста, которая связана, в первую очередь, с его социокультурной и художественной значимостью, обусловленной, вне всякого сомнения, коммуникативно-прагматическим потенциалом, заложенным в него творцом. Один из основателей отечественной теории перевода А. В. Федоров положительно оценивал наличие предшествующих переводов: «это всегда благоприятное условие для характеристики перевода нового: есть с чем сравнить — и тогда, когда новый перевод лучше, и тогда, когда он хуже старого, и, наконец, когда он старому не уступает в целом, но раскрывает какие-либо новые, ранее не выявленные черты оригинала» [4: 57]. Существование в одно и то же время (а тем более в пределах длительного периода) разных переводов одного и того же произведения не противоречит идее

переводимости, а скорее объясняется ею, вытекает из нее: «переводы эти как звенья историко-литературного процесса могут дополнять друг друга, раскрывать разные стороны оригинала» [4: 180].

Признавая зависимость переводов от оригинала, то есть, по сути, их вторичность, можно, тем не менее, говорить об их относительной самостоятельности особенно в случае, если накапливается большое количество переводов одного и того же классического текста, совокупность которых и может быть истолкована «как некий своеобразный текст» [1: 5], обладающий по сути метатекстовым статусом. Согласно нашим исследовательским наблюдениям, рассмотренные оригиналы и всех версий и разновременных и разновариантных переводов одного произведения (в их числе и переводов на другие языки, а также вариантов внутриязыкового и межсемантического перевода) как единого семантического пространства, отражающего, с одной стороны, индивидуально-авторскую картину мира и, с другой, имеющиеся возможные варианты ее множественной лингвопереводческой интерпретации в координатах принимающей лингвокультуры и соответствующей эпистемы, позволяет получить ценную информацию относительно вариативности языковой нормы в принимающей лингвокультуре. Как отмечает Ю. М. Лотман, «при сложных операциях смыслопорождения язык неотделим от выражаемого им содержания. В этом последнем случае мы имеем уже не только сообщение на языке, но и сообщение о языке, сообщение, в котором интерес пере-

мещается на его язык» [3: 17–18]. В этом аспекте тексты переводов могут служить важным и самодостаточным объектом изучения динамических процессов в переводящем языке.

В качестве эмпирического материала обратимся к первым трем опубликованным русским переводам романа И. В. Гете «Die Leiden des jungen Werthers», вышедшего в свет в Германии в 1774 году, с целью рассмотрения вариантов перевода на русский язык его заглавия как первой авторской интерпретации текста, которое представлено двумя вариантами: «Страсти молодого Вертера» (1781, 1796 гг.) и «Страдания Вертера» (1829 г.). Период появления первых переводных версий характеризуется новым отношением к переводу в русской словесности и демократическими преобразованиями в самой системе русского литературного языка: приветствуется не «склонение на наши нравы», а сохранение авторского идиостиля и культурного колорита. Вторая версия сохраняет идентичное заглавие, будучи стилистической правкой первого перевода романа Гете.

В лингвопереводческом плане особый интерес представляет ключевое слово *Leiden*, которое представлено в двух первых переводах словом *страсти*. Немецкое *leiden*, этимологически восходящее к обозначению различных видов передвижения в пространстве, в процессе христианизации было переосмыслено и стало употребляться по отношению к мученическому пути Иисуса Христа, к тем телесным и душевным испытаниям, которые он терпеливо сносил, понимая их неизбежность, что наблюдается как в Лютеровском переводе Библии, так и в текстах самого Гете. Считаем, что эти смыслы заложены в названии его романа, ключевое слово которого представлено субстантивированным инфинитивом: муки, которых нельзя избежать, тоска, печаль, горе, скорбь, страдания во имя праведного дела. Но в светской жизни глагол *leiden* использовался и в других значениях: страдать от болезни, недуга, любви, несправедливости; мириться с чем-либо.

В русском литературном языке система абстрактных имен находится в стадии формирования, на которое оказывает влияние христианская традиция и, конечно же, перевод Библии, в котором муки Христа представлены как *страсти* (сознательно принятые на себя тяготы, мученичества). Так, в толковом словаре В. И. Даля отдельной статьей представлена только лексема *страсть*, *страдание* же используется только для ее толкования. Поэтому вполне обоснованным — языковыми и внеязыковыми факторами — можно считать передачу семантики *Leiden* как *страсти*. Впоследствии понятие *страсть*, сохраняя свой концептуальный статус в религиозном дискурсе, в светской жизни утрачивает первоначальные коннотации, самостоятельный статус получает лексема *страдание*. И в переводной версии 1829 года в заглавие выносятся уже слово *страдания*, эксплицируя, по Далю, состояние и действие по глаголу *страдать* (самое чувство страдающего, мука, мучение).

Слово, включенное в заглавие, приобретает в ходе повествования концептуальную значимость, реализуемую различными лексическими единицами, часто контрастирующей семантики, которые потребовали серьезной лингвопереводческой рефлексии относительно освоения и передачи их авторского осмысления средствами принимающего языка с целью сохранения коннотативных смыслов, расширяющих семантический радиус заглавия в текстовом пространстве романа.

Литература

1. Задорнова В. Я. Восприятие и интерпретация художественного текста. М., 1984.
2. Кушнина Л. В. Динамика переводческого пространства. Пермь, 2003.
3. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история. М., 1996.
4. Федоров А. В. Искусство перевода и жизнь литературы: Очерки. Л., 1983.

Экстралингвистические и лингвистические предпосылки появления лексических заимствований в русском языке в сопоставлении с корейским языком

Ю. В. Сухова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

yu.sukhova@gmail.com

Русский язык, корейский язык, заимствования, иностранные слова, лексика

Summary. This work is dedicated to the systematic analysis of loan words in Russian compare to Korean as a language with different cultural background, and extralinguistic and linguistic prerequisites of borrowings.

В основе исследования лежит проведение системного анализа появления иностранных заимствований в русском литературном языке на примере его сопоставления с корейским литературным языком, а также выделение особенностей формирования его словарного состава при помощи заимствованных слов.

Поскольку значительный пласт лексики корейского и русского языков составляют заимствования, то благодаря исследованию экстралингвистических и лингвистических предпосылок этого процесса в двух разноструктурных языках, мы сможем сделать выводы о взаимном культурном влиянии одного народа на другой.

Исследователи выделяют два типа причин иноязычных заимствований: экстралингвистические (или неязыковые) и лингвистические (или собственно языковые).

К экстралингвистическим причинам принято относить:

1. Исторические, межкультурные контакты, связь одного народа с другими народами и наличие определенного рода двуязычия [11]; [4]; [12]; [7].
2. Необходимость номинации новых предметов, процессов и понятий [2]; [5].
3. Социальные, экономические и политические изменения внутри страны заимствующего языка прогресс науки и техники и, как следствие, новаторство нации в какой-либо отдельной сфере деятельности [9]; [1]; [12]; [6]; [7].
4. Политическая роль страны и языка, из которого происходит заимствование [6]; [7].
4. Экономия языковых средств [11]; [4].
5. Языковой снобизм, мода на иностранные слова [3]; [5].

6. Коммуникативная актуальность понятия и соответствующего ему слова [6]; [7].

В качестве лингвистических причин выделяют следующие предпосылки:

1. Потребность в назывании новых предметов и реалий в языке-реципиенте [11]; [12]; [6]; [7].
2. Тенденция к соответствию нерасчлененности, цельности обозначаемого понятия с нерасчлененностью обозначающего [5]; [12].
3. Необходимость в разграничении содержательно близких понятий и их специализации [11]; [12]; [6].
4. Тенденция к устранению омонимии или полисемии исконного слова [11]; [6].
5. Наличие лексического ряда со структурно аналогичным элементом в языке-реципиенте [5].
6. Потребность в эвфемистических заменах [5]; [8].
7. Потребность в расширении представлений о предмете [11]; [12]; [7].
8. Придача дополнительных оттенков значений словам языка-реципиента и наличие международных терминов, наименований и сложившихся терминологических систем, обслуживающих определенную тематическую область в языке-реципиенте [11]; [12]; [7].

Вышеперечисленные причины обуславливают употребление заимствований в языке. Заимствованные и исконные слова подвергаются стилистической дифференциации.

На данном этапе исследования мы выделяем 3 случая существования в языке заимствованного, исконного и синонимичного заимствованного.

1. **Образование синонимических рядов, состоящих из исконного слова и заимствованных слов.** Иноязычное слово, обозначая новый предмет и явления, заменяет исконный описательный оборот и вносит дополнительный семантический оттенок в поле значений группы исконных слов. При этом в заимствующем языке происходит перегруппировка значений и семантических дифференциальных признаков между исконным и иноязычными словами, которые вследствие вышеупомянутой перегруппировки начинают различаться некоторыми семантическими признаками, а также сферой употребления. Исконно русское слово *спор* имеет в своем синонимическом ряду множество слов-заимствований: *прение* (ст.-сл. *пърѣние*), *полемика* (греч. *πολεμικά*), *дискуссия* (лат. *discussio*), *диспут* (пол. *dysput* ← лат. *disputare*), *дебаты* (франц. *debats*). Все слова имеют общую семантику, но выбор одного из них зависит от ситуации и коммуникативной задачи говорящего. Исконно корейское слово *모임* — китайское *회합* (會合) — английское *미팅* (*meeting*) — все эти слова имеют одно значение «собрание». При этом, корейское слово стилистически нейтрально, английское употребляется в разговорной речи, а заимствованное китайское слово — в книжном языке.

2. **Уточнение и возможное впоследствии полное вытеснение исконного слова синонимичным заимствованным.** Например, китайская лексема *산* (山) — «гора» вытеснила исконно корейскую лексему *마*, что тоже значит «гора»; китайская лексема *여자* (女子) — «женщина» вытеснила корейскую *계집* — «женщина», и последняя стала употребляться с отрицательной коннотацией в фамильярной речи; английское слово *워터맨* (*waterman*) заменило корейское *사공* (沙工) («лодочник»), которое до освоения Кореи ассоциировалось с риском и невзгодами. В русском языке исконное слово *брадобрей* было заменено заимствованным немецким словом *парикмахер*, русским *зодчий* — греческим *архитектор*. Кроме того, многие славянизмы с неполногласными сочетаниями, утратив свою стилистическую окраску, вытеснили из русского языка исконно русские слова с полногласными сочетаниями: *время*, *враг*, *сладкий*, *храбрый*, *праздник*, *вред*, *среда*, *влага*, *здравствуй*.

3. **Вытеснение заимствованного слова исконным.** Так, например, в период общеславянского единства в русский язык проникло тюркское слово *толмач* (в татарском языке — *телмач*, где *тел* — «язык»), а с XVI века оно вытеснилось

исконно русским словом «переводчик». Вторичной актуализации семантики этого слова содействовало распространение в России в XVIII веке французского слова *traduction* («перевод»). А в корейском языке корейское слово *첩시* заменило японское слово *사라* «тарелка», а исконное *윗도리* — заимствованное *우와기* «верхняя одежда».

Таким образом, и в корейском, и в русском языках можно выделить заимствования, которые благодаря своей семантической специфике прочно закрепляются в языке и стоят в синонимичных рядах с исконными словами, образуя единую развивающуюся лексико-семантическую систему корейского и русского языков.

Исторические предпосылки оказывают безусловное влияние на процесс заимствования и формирования единой лексической системы языка. Обычным результатом появления и распространения заимствованных лексем является их приспособление к сложившейся языковой структуре. Но степень интенсивности их освоения и усвоения иной лексической системой зависит от ряда условий.

Литература

1. Биржакова Е. Э., Войнова Л. А., Кутина Л. Л. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века. Языковые контакты и заимствования. Л., 1972.
2. Вайнрах У. Одноязычие и многоязычие // Новое в лингвистике. № 6. М., 1972.
3. Виноградов В. В. Современный русский язык: В 2 т. М., 1938.
4. Ефремов Л. П. Сущность лексического заимствования // Вестник АН Казахской ССР. 1959. № 5. С. 17–29.
5. Крысин Л. П. Иноязычные слова в современном русском языке. М., 1968.
6. Крысин Л. П. Иноязычные слова в современной жизни // Русский язык конца XX столетия. М., 1996.
7. Ли Иксон, Ди Санок, Чхе Ван. Корейский язык. М., 2005.
8. Москвин В. П. Эвфемизмы в лексической системе современного русского языка. Волгоград, 1999.
9. Пауль Г. Принципы истории языка. М., 1960.
10. Сепир Э., Уорф Б. Л. Отношение норм поведения и мышления к языку. 1960.
11. Сорокин Ю. С. Развитие словарного состава русского литературного языка: 30–90-е годы XIX века. М.; Л., 1965.
12. Фомина М. И. Современный русский язык. Лексикология. М., 2001.
13. Saussure F. Cours de linguistique générale. Ed. 2-ème. Paris, 1922.

Особенности передачи экспрессивной, стилистически маркированной лексики при переводе с французского на русский язык (на материале произведений А. Гавальда)

Э. И. Табеева

Казанский государственный технический университет имени А. Н. Туполева

eltab@list.ru

Экспрессивность, прагматическая информация, полные, частичные межъязыковые соответствия, смысловые лакуны

Summary. This report concerns the ways of interpreting pragmatic information from French into Russian language.

Одна из важнейших задач художественного перевода — точная передача экспрессивной, эмоционально — оценочной лексики, тех стилистических структур, которые образуют художественное своеобразие текста, усиливают его эстетическое воздействие на читателя.

Многочисленные исследования в сопоставительной лингвистике указывают на то, что эмоциональность — не просто один из компонентов стилистического значения, но и одна из важных семантических характеристик языка, т. е. категория, которая входит в сферу исследования, как лексикологии, так и стилистики. В этой связи в исследовании мы будем применять, во-первых, лексико-семантический анализ, который позволяет указать семантические различия между стилистически маркированными и немаркированными выражениями двух языков, а, во-вторых, стилистический анализ, который помогает оценить художественное воздействие соответствующих отрывков перевода и оригинала.

Источниками исследования послужили произведения современного французского автора Анны Гавальда, вышедшие в период с 1999 года: романы «Просто вместе» [5]; «Я его любила» [4] и сборник рассказов «Мне бы хотелось, чтобы меня кто-нибудь где-нибудь ждал...» [6]. Языковой

материал получен методом сплошной выборки из этих произведений, а также их переводов, выполненных русскими переводчиками Е. Клоковой и Н. Хотинской.

Проведенный анализ произведений показывает, что непосредственная выразительность самих слов во французском языке представлена гораздо слабее, чем в русском. Например, для передачи человеческих отношений в русском языке используется множество продуктивных деривационных моделей: существительные, образованные при помощи суффиксов *-чик*, *-ец*, *-ка*, *-ушк(а)*, *-ишк(а)* и т. д. Во французском языке подобное экспрессивное словопроизводство применяется гораздо реже (ср. *un sac* — *сумочка*; *chaud* — *менелький*; *mon ami* — *дружисше*; *ma fille* — *детка*; *un moue* — *мордочка*). Гораздо чаще передача прагматической информации во французском языке происходит через атрибутивные сочетания: нейтральное существительное + эмоционально маркированное определение (ср. *petites mains* — *малюсенькие ручки*; *un tout petit bonhomme* — *крошечный человечек*).

Использование экспрессивного словопроизводства в русском языке во многом определяется контекстом, т. е. определенным объемом ассоциаций, связанных с экспрессивной

единицей. Так, в оригинале, описывая, как героиня целует своего сынишку, автор пишет: *Dans le cou. Sur les joues. Sur la tête* [6: 20]. Переводчик использует более эмоциональную лексику, подчеркивая и то, что речь идет о малыше, и особое, трогательное отношение его матери: **В шейку. В щечку. В макушечку** (А. Гавальда, «Мне бы хотелось, чтобы меня кто-нибудь где-нибудь ждал...», с. 28).

Еще один передачи эмоциональности, помимо экспрессивного словопроизводства — использование слов с различной стилистической характеристикой. В данном случае, проведенный сопоставительный анализ русского и французского текстов, позволяет говорить о полных и частичных межъязыковых соответствиях, либо их отсутствии, т. е. лакунарности.

Полные межъязыковые соответствия, сохраняющие **свою стилистическую окрашенность и экспрессивность**, относящиеся к одному и тому же функциональному стилю, составляют значительную часть в исследованном языковом материале.

Вместе с тем, гораздо больший интерес для сопоставительного анализа представляет группа **частичных соответствий**, лексем, имеющих один и тот же денотат, но отличающихся либо экспрессивно — эмоциональной окраской, либо принадлежностью к разным функциональным стилям. Так, чаще всего при переводе на русский язык французские нейтральные слова заменяются живописными словами, которые хотя не могут рассматриваться как словарные соответствия, но наглядно иллюстрируют семантико-стилистические тенденции обоих языков. Например, героиня делает замечание своему другу:

— *He, je juge pas ta vie et tu juges pas la mienne...* [5: 215].

— *Я не сужу твою жизнь, а ты не лезешь в мою...* (А. Гавальда, «Просто вместе», с. 221).

В качестве эквивалента к нейтральному понятию *juger* переводчик подобрал более образное разговорное выражение с отрицательным оттенком *лезть*, которое уточняет субъективную экспрессивность героини, подчеркивает неформальный стиль общения.

Подтверждением того, что русская лексика более экспрессивна, может служить и то, что одному французскому слову или выражению в русском языке соответствует целый синонимичный ряд более экспрессивной лексики (ср. *bosser* (разг.) — *вкалывать, ишачить* (разг.-сниж.), *connaître* (нейт.)

— *сечь, знать как облупленного* (жарг.), *repetér* (нейт.) — *талдычить* (нар.-разг.), *ныть* (разг.), *cop* — *придурак* (разг.-сниж.), *чокнутый* (разг.-сниж.), *идиот* (бран.), *кретин* (бран.).

Наиболее интересной для сопоставительного анализа представляется группа смысловых лакун, т. е. понятий, не имеющих эквивалента в виде слова слову другого языка. В этом случае экспрессивность компенсируется при помощи переводческих трансформаций, добавлениям, либо объяснениям, описательно раскрывающим значение французского слова.

Например, используемое в оригинале нейтральное выражение *Il pay difficilement* в русском языке за счет трансформации приобретает более эмоциональный контекст: *Он очень прижимистый*.

— *Ca se trouve, t'es encore la pour 10 ans* [5: 361].

— *Вполне может так выйти, что ты еще лет 10 здесь прокантуешься* (А. Гавальда, «Просто вместе», с. 370).

В данном случае совершенно нейтральное словосочетание *t'es encore la* переводчик заменил на жаргонное выражение *здесь прокантуешься*. Таким образом, переводчик не просто подчеркивает неформальность общения, но и указывает на уровень образованности, социальный статус говорящего.

Проведенное исследование указывает на ряд сложностей, которые могут возникать при передаче прагматической информации, выраженной экспрессивной, эмоционально-оценочной лексикой. Более широкое использование экспрессивного словопроизводства в русском языке, большая образность русской лексики и, наконец, определенный контекст, закрепленный в сознании носителей языка за экспрессивной единицей — все это ставит вопрос о поиске наилучших способов компенсации смысловых лакун.

Литература

1. Гак В. Г. Беседы о французском слове. Из сравнительной лексикологии французского и русского языков. М., 2006.
2. Гринева Е. Ф., Громова Т. Н. Словарь разговорной лексики французского языка. М., 1987.
3. Современный толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 2007.
4. Anna Gavaldà. Je l'aimais. Le Dilettante, 2002.
5. Anna Gavaldà. Ensemble, c'est tout. Le Dilettante, 2004.
6. Anna Gavaldà. Je voudrais que quelqu'un m'attende quelque part. Le Dilettante, 2004.

Интерпретация семантики итеративности в художественном переводе (с английского на русский язык)

А. В. Уржа

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

English2@yandex.ru

Интерпретация, семантика, грамматика текста, перевод, итеративность

Summary. The report is based on investigation of iterativity as not only semantic, morphological or syntactic, but textual category. The analysis is focused on possible variants of Russian interpretations of ambiguous fragments found in original literary English texts. The different choices of translators appear to be connected with strategies of foregrounding or backgrounding the information in a text, verbalising certain points of view, controlling the reader's competence, etc., and finally taking part in creating special composition of each translation.

Особый интерес исследователей как русского, так и английского языка к семантике итеративности и способам ее реализации, обусловлен, в частности, тем, что на уровне грамматики, высказывания и текста (в обоих языках) подобные значения выражаются принципиально различными средствами. Инвентарь морфологических, словообразовательных, лексических, синтаксических средств реализации семантики итеративности в русском [2: 129 и др.] и в английском языке [4] свидетельствует о разнообразии и в то же время о нерегулярности оформления подобных значений, что становится причиной возникновения неоднозначных контекстов. В ситуации, когда глагольные словоформы оказываются немаркированными относительно длительности / многократности (*Он читал под навесом. He walked with a stick in his hand*), однократности / многократности (*Он брал мою ручку; He went to the castle*), значение итеративности нередко организуется и поддерживается при помощи кванторных слов, а также сирконстантов — показателей повторяемости (*часто, по субботам, каждый день* и т. д.), модификаторов предиката (*would, used to, ср. бывало*). Специфи-

ческие средства (например, переносное употребление форм будущего времени в русском: *Выйду на улицу — мороз, зайду в дом — тоже холодно*) сообщают значение повторяемости предикатам с перфективной семантикой, используются лексические обозначения многократности (*He has done it many times*), повторы (*Что ни повернет — все блин да пирог, блин да пирог!*). На уровне текста однократно реализованная семантика итеративности может организовывать обширный фрагмент, вербализуясь далеко не в каждом из его предложений: *Он не раз заходил в кафе, пил какао. Читал утреннюю газету, внимательно осматривал из окна улицу... или Приму ее под руку и волочусь, что цука. И чего сказать — не знаю, и перед народом совестно*. В связи с этим интересным представляется замечание исследователей грамматики текста о том, что «справедливее видеть в итеративности и повторяемости не столько аспектологическую, сколько композиционно-текстовую категорию» [1: 420].

Дискретность итеративных показателей, организующих текст, а также неоднозначность грамматических форм в отношении семантики повторяемости оказывается серьезным

испытанием для переводчиков с английского языка на русский и наоборот [3: 128 и др.]. Следствием этого являются многочисленные расхождения не только в интерпретации итеративных фрагментов, но и в структурно-смысловой организации перевода. Ср. варианты перевода отрывка из рассказа Р. Бредбери «The Cistern»: [Anna:] ‘...There’s actually a city under a city. A dead city, right here, right under our feet’ — *Juliet poked her needle in and out the white cloth.* — [Анна:] «...Ведь на самом деле здесь, под городом, еще один город. Мертвый город, прямо тут, у нас под ногами» — *Джулиет сделала стежок на белом полотне* (пер. С. Анисимова). Ср. ...Джулиет... быстрее *заработала иголкой* (аноним. пер.) Если в первом случае героиня, слушая странный рассказ сестры, лишь совершает фоновое действие, то во втором варианте перевода она нервно реагирует на него, что привлекает внимание читателя к ненормальности происходящего.

Еще один пример из того же произведения: «*Like when you were a child and played hide-and-seek and nobody found you... I’d like that. That’s what it must be like to live in the cistern*» — «Как в детстве, когда мы играли в прятки: было вало, спрячешься, и никто тебя не может найти... Мне это ужасно нравилось. Должно быть, если живешь в водостоке, чувствуешь себя так же» (пер. С. Анисимова). Ср.: «...Мне это страшно нравилось. Люблю всех дурачить. Наверное, жить в водостоке было бы то же самое» (пер. С. Сухарева). Ср.: «...Вот и в трубе так же. Я бы хотела...» (аноним. пер.) Многозначный показатель *would* интерпретирован здесь противоположными способами. В первом случае он связан с действиями героини в прошлом и некоторым образом характеризует ее (см. первый и особенно второй перевод). В последнем варианте (таких переводов тоже два) речь идет о желании пережить подобное в будущем, что прозрачно намекает на финал рассказа, в котором девушка «исчезнет» в водостоке.

В фантастическом рассказе Э. По «Hop-Frog» король издевается над шутом-карликом и заставляет его пить вино, от которого у того мутится разум. Эта выходка будет стоить тирану жизни — карлик жестоко отомстит ему: *But the king loved his practical jokes, and took pleasure in forcing Hop-Frog to drink and (as the king called it) «to be merry».* — Но король любил шутки, и ему доставляло удовольствие заставлять Скакуна пить и видеть его, как выражался повелитель, «навеселе» (пер. в изд. Сытина). Ср.: Но король любил свои действенные шутки, и ему показалось очень приятным заставить Гоп-Фрога выпить и (как король изволил определить это) «развеселиться» (пер. Бальмонта) Формы простого прошедшего, герундия и инфинитива в оригинале позволяют двоякую интерпретацию. Переводчик поневоле совершает выбор и подчеркивает либо постоянство жестоких шуток короля, либо, напротив, особенную изощренность этой выходки, которая и была одной из последних капель, переполнивших чашу терпения шута. Важно отметить, что приведенные варианты переводов соотносятся как 4 : 3, то есть мнения переводчиков почти поровну разделились в толковании этого двусмысленного отрывка.

Обозначение наличия / отсутствия ума в русском и китайском языках

Чэнь Сяо Хуэй

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

chenxiaohuismile@china.com.cn

Имя существительное, номинация, семантика, свойства лиц, ум

Summary. This report is devoted to research nomination of some nouns in Russian and Chinese.

Сравнение объемов подгрупп «умный» и «неумный» показывает, что слов, именующих отсутствие ума, в обоих языках значительно больше. Значительное сходство обнаруживается и в составе мотивирующих признаков, используемых при образовании существительных данных групп. Так, при обозначении глупого человека в обоих языках активно используется сравнение с деревом и предметом из дерева. Ср. русск.: дуб, дубина, чурбан, бревно; китайск.: *chuncai* («тупое дерево»), *bangchui* («палка и колотушка»), *tiou* («деревянный идол»).

В то же время между двумя языками имеются и существенные отличия. С сопоставительной точки зрения большой 554

Иногда показатель повторяемости стоит в середине фрагмента текста, и это задает его двойное прочтение: вначале читатель воспринимает события как единичные, и лишь потом понимает, что они повторялись снова и снова: *Climb to a thousand feet. Full power straight ahead first, then push over, flapping, to a vertical dive. Then, every time, his left wing stalled on an upstroke, he’d roll violently left, stall his right wing recovering, and flick like fire into a wild tumbling spin to the right* (R. Bach ‘Jonathan Livingston Seagull’). Средства русского языка позволяют здесь выбрать различные варианты решения: *Подъем на тысячу футов. Мощный рывок вперед, переход в пике, напряженные взмахи крыльев и отвесное падение вниз. А потом каждый раз его левое крыло вдруг замирало при взмахе вверх, он резко кренился влево, переставал махать правым крылом, чтобы восстановить равновесие, и, будто пожираемый пламенем, кувырком через правое плечо входил в штопор* (пер. Ю. Родман). Ср.: *Подъем до тысячи футов. Вначале предельно разогнаться по прямой, потом, продолжая работать крыльями, нырнуть круто вниз. Затем, и это повторялось каждый раз, его левое крыло выгибалось на взмахе, и он начинал быстро вращаться влево. Чтобы выровняться, он выгибал правое крыло, и тут же начиналось неудержимое беспорядочное вращение вправо* (пер. М. Шишкина). Английские конверсные глаголы-существительные позволяют интерпретировать начало этого отрывка из «Чайки по имени Джонатан Ливингстон» Р. Баха и как серию наблюдаемых действий, и как предполагаемый план полета, даже как инструкцию. Во втором случае (поскольку план предполагает ряд реализаций) постпозитивное замечание *every time* оказывается не таким неожиданным, тогда как в первом варианте перевода мы имеем дело с переключением регистров и точек зрения: воспроизведенный в деталях, эмоционально переживаемый героем (и читателем) неудачный полет оказывается лишь примером одной из многократных попыток, которые повествователь ретроспективно резюмирует.

Итак, интерпретация неоднозначных конструкций оригинала в плане итеративности оказывается тесно сопряженной с целостным представлением переводчика о композиционно-смысловой структуре произведения. Размещение информации в области первого плана или фона событий, выявление характеристик персонажа, оформление той или иной точки зрения, выбор регистра, управление компетенцией читателя — все эти сферы различия вариантов перевода иллюстрируют семантические возможности реализации категории итеративности в художественном тексте.

Литература

1. Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998 (2004).
2. Теория функциональной грамматики / Под ред. А. В. Бондарко. Т. I. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л., 1987.
3. Уржа А. В. Русский переводной художественный текст с позиций коммуникативной грамматики. М., 2009.
4. Leech G., Svartvick J. A. Communicative grammar of English. London, 1975; М., 1983.

«умный тот, кто умеет, знает». В то же время этимология русского корня *глуп-* также, возможно, указывает на связь ума и восприятия — слухового. Данный корень многие этимологи связывают с корнем *глух-*. Ср.: слово *глухой* «гесно соприкасается с *глупый*, так как того, кто плохо слышит, часто считают глупым, недалеким» [3: 101]. На связь со слуховым восприятием указывает и слово «олух». Это предположительное заимствование из украинского *оглух* — ‘глуховатый’ [2: 136]. Китайский способ номинации с помощью простого слова *ben* указывает на наличие ассоциативной связи еще одного типа — «недостаток ума» — «физическая неуклюжесть, большой размер».

Особый интерес представляют зоометафоры, используемые для обозначения умного и глупого человека. В русском и китайском языке их состав не совпадает. В китайском языке при обозначении глупости используется сравнение человека не с бараном и ослом, а с медведем и свиньей. Это связано, очевидно, с наличием у этих животных свойств «большой, неуклюжий, толстый». Для характеристики ум-

ного человека используется сравнение с обезьяной. Важно отметить, что китайские зоометафоры во многом основываются и поддерживаются литературной традицией: глупые медведь и свинья, а также умная обезьяна — персонажи известных китайских литературных произведений.

Сопоставительные исследования позволяют нам воссоздать более полную картину процесса осознания и формирования абстрактных понятий. Слово — это «вместилище знаний» [1: 192]. И анализируя производные слова и значения, этимологию, мы выявляем те связи и признаки именованного «предмета», которые выделяет в нем человеческое сознание и которые наиболее важны для него.

Литература

1. *Верецагин Е. М., Костомаров В. Г.* Лингвострановедческая теория слова. М., 1980.
2. *Фасмер М.* Этимологический словарь: В 4 т. Т. 3. СПб., 1996.
3. Этимологический словарь русского языка / Под ред. Н. М. Шанского. Вып. 4. М., 1972.